

ТАТЬЯНА АБАЛОВА

НУ, ЗДРАВСТВУЙ,
МУЖ!

16+

Хроники Агрида

Татьяна Абалова

Ну здравствуй, муж!

«Автор»

2020

Абалова Т.

Ну здравствуй, муж! / Т. Абалова — «Автор», 2020 — (Хроники Агрида)

Шаша, танцовщица эротических танцев, находит в песках умирающего пса. Им оказывается агридский шпион из рода Меняющих лики лорд Гаррон Цессир. Наблюдательный пес быстро выясняет, что спасительница не только служит королю Песчаного Хаюрбата, но и проворачивает весьма опасные дела. Предательство заставляет Шашу искать укрытия в Магической академии. Пока первокурсница примеряет новый образ и новое имя, Рон мучается думами, как рассказать отцу, главе разведки, что он допустил две роковые ошибки: не справился с превращением в человека и, будучи собакой, умудрился жениться на рабыне короля песков.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Провал агридского шпиона	6
Глава 2. К ноге, Рон!	11
Глава 3. Все прахом	16
Глава 4. Подмена	22
Глава 5. Граница не дремлет	27
Глава 6. Неожиданные встречи	32
Глава 7. Леди Дафой	36
Глава 8. Теперь я первокласска...	41
Глава 9. Планы Цессиров	46
Глава 10. Прибытие в академию	50
Глава 11. Деревенская девушка Мара Качира	55
Глава 12. Неудавшийся ужин	60
Глава 13. Не пара	65
Глава 14. Чароведение	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Татьяна Абалова

Ну здравствуй, муж!

Пролог

В бархат неба, усеянного драгоценностями звезд, восемь чаш, наполненных черным маслом, посылали высокое пламя, но и этого освещения не хватало, чтобы со всем тщанием рассмотреть обнаженную девушку, выступившую из тьмы в круг света.

О, танцовщицу, сделавшую первое движение в такт рокочущему барабану, хотелось не только рассматривать. Желание! Каждый изгиб ее совершенного тела рождал желание! Да что там взмах руки, украшенной так изысканно, что на кончики ногтей можно было смотреть бесконечно, или плавный поворот бедра, когда взгляд невольно перемещался на вожделенный треугольник, скрытый блеском драгоценностей? Как перестать смотреть в лучистые глаза, которые то отводились в сторону, изображая мнимый стыд, то взирали прямо, рождая предвкушение?

Ритм барабана совпадал с частотой пульса, и уже невозможно было отличить, кому подчинялась танцовщица: музыкальному инструменту или стуку сердца. Магия танца, чарующего, вводящего в транс, заставляла забыть обо всем. Что ты не один, что остальные зрители так же ослеплены необыкновенной красотой девушки, на которой из одежды лишь драгоценности и золотая краска, полностью покрывающая ее тело. Что ты, знатнейший из знатнейших, желаешь стать песчинкой, которая прилипла к телу танцовщицы. Лишь бы принадлежать ей, лишь бы стать ее частью.

И когда рокот барабана так ускорялся, что сердце переставало поспевать за ним, а танцовщица, взмахнув кисеей звездного неба, вдруг прыгала к тебе на колени и приникала необыкновенно мягкими, но требовательными губами в поцелуе, ты вдруг понимал, что все твое богатство, сила и власть – ничто. Ты готов стать рабом ее разгоряченного тела, держать и не выпускать, лишь бы сводящий с ума поцелуй никогда не прекращался.

И только утро возвращало знатного хаюрдага в сознание, и он не мог понять, была ли ночь полна любви, или все только привиделось, но впечатление от танца и его необыкновенной исполнительницы оставалось с ним на всю жизнь. Порой очень короткую, поскольку любой житель Песчаного Хаюрбата ходил по лезвию ножа, будь он приближенным к королю или просто рабом. А других в королевстве, запрятанном в песках, и не было. Ты или раб, или работорговец. Ты или оборотень из клана Волка, Гиены, Скорпиона и Змеи или существо, которое выкрали и обрекли на вечное служение сильнейшему.

А караван верблюдов вез танцовщицу и ее охрану к другому оазису, где она опять завораживала танцем богатейшего из богатейших, превращая его в песок под ее ногами, заставляя забыть себя и делая особенно уязвимым, о чем к утру хозяин оазиса, конечно же, не помнил и никогда не связывал несчастья, вдруг обрушившиеся на его голову, с приглашением известной всему Хаюрбату Шаши.

Глава 1. Провал агридского шпиона

Гаррон, сын лорда Цессира из рода Меняющих лики, несся вслед за стаей волков-оборотней, которые получили достойный отпор у стен Агрида, и теперь, не теряя время на зализывание ран, возвращались туда, куда так и не смог попасть ни один из шпионов королевства.

«Вернее, так: откуда не смог вернуться ни один из шпионов моего отца», – ноги шустро перебирали каменистую почву, которая вскоре должна была смениться еще более труднопреодолимыми песками.

Решение присоединиться к стае и таким хитрым способом попасть во вражеское государство было горячим и спонтанным. Бой, понимание, что противник уходит, и страстное желание воспользоваться моментом и влиться в стаю – все произошло так быстро, что Гаррон, впервые примеривший на себя маску животного, явно дал маху. И как специально, ни одной лужи под лапами, чтобы взглянуть хотя бы одним глазом, как удался его экспромт.

Да, еще совсем недавно в степи попадались небольшие озерца собравшейся после дождя воды, но мощные лапы сотни оборотней превращали их в месиво из глины, что мало походило на зеркальную поверхность, которая могла бы отразить, каким волком стал один из лучших сыщиков Агрида. Но и то, что он видел, а это рыжие пятна на лапах и болтающиеся длинные уши, при резком повороте, словно лопухи, закрывающие лицо... нет, теперь уже морду, не оставляло сомнений, что волк из лорда Гаррона получился неважный.

– Зад вахруницы! – прошамкала его пасть, что человеку, если таковой вдруг обнаружился бы в степи, слышалось не иначе как «Вау-ау-ва-а!». – Ну зачем надо было так некстати вспомнить, как выглядит уродливая тварь с Земли?!

Лорд Цессир-младший еще пытался убедить себя, что он волк, который просто не удался окрасом, но по мере того, как его «хищник» все сильнее отставал от своих спутников, четче проявлялась истина: вслед за стаей оборотней несется на всех четырех коротких лапах нелепая собака породы бассет-хаунд.

В этом и было благо и коварство дара Меняющих лики: стоило члену древнего рода предстать, на кого он хотел бы походить, как магия моментально превращала его в желанный объект. Но еще никогда и никто из Цессиров не опускался до того, чтобы стать животным. Тут Гаррон с его стремлением послужить Отечеству был первым.

«И, видимо, последним, кто так и сдохнет в шкуре зверя!»

Маг, которому смена лика удавалась по щелчку пальцев, окончательно впал в отчаяние, когда понял, что его спонтанный эксперимент закончился катастрофой: что-то не заладилось и теперь его тело трансформации не поддавалось.

Не дотянув до противоположного края небольшого овражка, который волки перемахнули играючи, наследник могущественного рода, извозившись в грязи по самую холку, выл от безысходности. Ни мастерство, ни густо влитая магия так и не помогли ему вернуть человеческий облик.

Дотащившись до того места, где склон оврага уже не был таким крутым, Гаррон, в котором теперь трудно было признать даже собаку, с трудом выбрался на «берег». С высоты своего мизерного роста он, как сумел, обозрел раскинувшиеся просторы: позади лежала бескрайняя степь Ури-ца, впереди не менее бесконечные пески вражеского Хаюрбата.

Повея носом, пес поймал запах волков. Долг и инстинкт преследователя заставили его двигаться в том же направлении.

Шаша лениво обмахивалась веером. Так же лениво текли ее мысли. Предстоящее выступление уже не внушало того трепета, с каким она выходила на сцену впервые. Все давно превратилось в рутину. Сотни раз отрепетированный танец вкуче с привычными иллюзиями, пья-

ные разговоры самодовольных хозяев, которых она будет слушать очень внимательно, и опять бесконечная дорога, на этот раз в столицу.

«Завтра я уже буду дома! Выплюсь, наконец, в мягкой постели, – Шаша с треском сложила веер. – Боже, хоть бы какой ветерок!»

Она откинула полог, чтобы с горечью убедиться, что снаружи еще жарче. Медленное покачивание верблюда усыпляло, но позволить себе вздремнуть перед выступлением она, танцовщица, чье имя гремит по всему Песчаному Хаюрбату, не могла. Сон и жара сделали бы ее вялой. И головная боль не замедлила бы явиться.

– Дани, скоро до места?

Мужчина, с ног до головы одетый в белые одежды, оставив неприкрытыми только глаза, поровнял своего коня с верблюдом танцовщицы. Сдвинув рукав, взглянул на наручные часы.

– Часа через полтора. Оазис Вари-дага находится в самой северной точке Хаюрбата, – взглядевшись в кислое лицо собеседницы, сочувственно спросил: – Устала? Может, хочешь размяться?

– Чтобы набрать полные башмаки песка? Нет, уволь.

– Дани?! – капризный голос из паланкина, установленного на плетущемся следом верблюде, заставил мужчину поморщиться. – Я хочу размяться! Помоги мне слезть!

Шаши рассмеялась, но тут же прикрыла рот рукой.

– И как она все слышит? – мужчина не стал разворачивать коня, он дождался, когда верблюд Толстушки Зу доплетется до него.

Спешившись, воин протянул руки, чтобы поймать женщину, уже высунувшую остроносую туфельку из-за полога. Такому маленькому размеру позавидовала бы любая красотка, но то, что показалось следом, заставило бы напрячься любого мужчину, не будь он таким же высоким и сильным, как Дани.

«Наша Жабка», как он называл ее наедине с друзьями, с грацией той же амфибии соскользнула к нему в руки. Если бы не полусогнутые ноги и готовность принять груз, Дани наверняка завалился бы на спину, но он выстоял. Жабка сделала несколько разминочных шагов, во время которых ее тело колыхалось, как плохо сваренный студень. Полупрозрачные одежды не скрывали ни полушария объемной груди, лежащей на животе, ни выпуклую попу, на которую при желании можно было спокойно поставить сосуд с вином, но Толстушку Зу несколько не смущал ее вид. Мало того, она им гордилась. Рожденная в Шаму, где эталоном красоты всегда служила бочкообразная фигура, и никакая иначе, Зу чувствовала себя среди артистов едва ли не единственной красавицей. В довершение ко всему природа одарила ее удивительным голосом: низким, чарующим, заставляющим кожу покрыться мурашками – сохранись у певицы такая же фигура, как у Шаши, магия голоса просто не проснулась бы в ней.

Дани, видя, как трудно Толстушке Зу сохранять равновесие, подставил локоть. Она с благодарностью приняла его и неспешно пошла вдоль замедлившего ход каравана. Капли пота струились по ее лицу, намочила ткань на спине, но певица упорно продолжала свой пеший поход.

– Сам виноват, – одними губами произнесла Шаша, когда Дани поднял на нее мученический взгляд. Она уже давно знала, что Толстушка Зу вступила с ней в необъявленное соперничество – ей нужно было все то, чего когда-либо желала или чему становилась обладательницей танцовщица.

– Это от одиночества, – успокаивала своих парней Александра. «Шаша» прицепилось к ней с легкой руки правителя Песчаного Хаюрбата, пытавшегося выговорить непроизносимое для хаюрдагов русское имя. Тогда она назвала свое короткое – Саша. – У меня есть вы: Данька, Павлик и Максим, а у Зу никого.

– Еще бы, – хмыкал Павел, – вторую шамуянку мы не потянули бы.

– Кони! – фыркала Саша, но потом не удерживалась и тоже смеялась. Им хорошо было вместе.

«Где ты сейчас, Паша? Все ли у тебя наладилось?» – Александра закрыла полог, чтобы никто не видел, как на глазах навернулись слезы. Она скучала по другу, которого знала столько же лет, сколько находилась в Песчаном Хаюрбате – родине работоторговцев. Как скучала и по другим парням, которых когда-то выкупила, а потом отправила на Родину.

Павла выкрали где-то за год до нее. Он как раз поссорился с женой и сидел в автомобиле, раздумывая, где переночевать: у матери или податься к друзьям. В стекло постучались и, когда он опустил его, встретился взглядом с черноволосой девушкой.

– Я заблудилась. Не подскажите, это дом 64А?

– Нет, это 64, – не хотелось быть невежливым. Девчонка совсем не виновата, что у него плохое настроение. – Тот, что вам нужен, с другой стороны моста.

Она едва не плакала.

– Что? Что такое?

– Я просто не дойду. Сломала каблук.

– Хорошо, садитесь, – Павел цокнул языком, видя, как она, хромая, обходит автомобиль.

– Можно я сяду сзади? Мне неудобно, я порвала чулки.

– Валяй.

Машина не успела отъехать, как на шею набросили удавку. Во всяком случае Павел Макушев, ведущий инженер-нефтяник, так успел подумать, прежде чем упал на колени в каменном мешке. В голове звенело. Он нащупал на шее ленту с каким-то странным кругляшом. В руках Павла он блеснул неземным светом и тут же погас, словно в нем кончилась батарейка.

– Поначалу я думал, что меня украли инопланетяне. Хотя так оно и есть, – вспоминал Павел первые дни пребывания в Песчаном Хаюрбате. – Только жизнь здесь отсталая, как на средневековом Востоке, не считая всяких магических штучек, охотно применяемых местными.

Она отправила его домой самым первым. Павел не хотел уходить, боясь, что его побег откроется, и Александра пострадает.

– Иди, тебя ждет сын. Ему без отца никак.

– А ты?

– Я здесь нужней. Сколько еще таких девчонок, как я, попадут в беду? Сам знаешь, амулет перемещения никому из них не достать. А я могу. Благодаря тому же Хаюрбу. Он не такой плохой, как ты о нем думаешь. Другой выкинул бы меня подыхать в пески...

– Ну да. А он всего лишь изнасиловал, предварительно исполосовав твою спину хлыстом...

– Все уже зажило, – она кривила душой. Оставшиеся шрамы не дадут забыть. Как и метка короля песков на внутренней стороне бедра.

– ... а потом отправил шпионить за своими подданными.

– Некоторые из них достойны смерти.

Павел ушел на закате, когда парни привезли Гаяну – совсем еще девчушку, которую выкрали у Скорпиона, пока тот оправдывался за вольные речи, произнесенные в пьяном угаре на пиру, где выступала кудесница Шаша. Кто боится танцовщиц? В своем бахвальстве он превзошел многих, а Хаюрб ужас как не любит, когда кто-то считает себя равным ему.

– Она ничего не будет помнить. Оставишь ее у больницы. Ну все, прощай! – Александра надела на Павла, держащего в руках спящую Гаяну, амулет перемещения, деньги на который собирала чуть ли не год.

– Спасибо! – только и успел крикнуть он, когда открывшийся портал поглотил обе фигуры.

Саша достала веер и подняла лицо, чтобы быстрее высохли мокрые дорожки, могущие испортить грим. Она уже не помнила, когда показывалась на людях без него. Горячий воздух быстро справился со своей задачей.

«А в Новгороде, наверное, идет снег».

– Фу, что это? – донеслось извне. – Крыса?

– Нет, у крыс не бывает таких ушей.

Александра выглянула и застала странную картину: Зу, опираясь на руку Дани, трогала ногой что-то странное, лежащее у обочины дороги. Пустынный ветер шевелил рыже-белую шерстку.

– Оно мертвое?

Дани присел и двумя пальцами приподнял огромное ухо, закрывающее морду животного.

– Это собака.

– Откуда здесь бассет-хаунд? – Саша легко спрыгнула с верблюда. Отряхнула руки, так как, приземляясь, коснулась песка. – За все шесть лет я ни разу не встречала в Хаюрбате собак. Насколько я знаю, оборотни их ненавидят.

– Посмотрите, у нее на шее что-то блестит, – Зу остроносой туфлей поддела серебристую цепь. – Значит, у собаки есть хозяин?

Стоило Саше склониться над псом и протянуть руку, чтобы посмотреть, нет ли бляхи с адресом хозяина, как ее опередила Зу. С неожиданной прытью, она всей пятерней схватилась за цепь и рванула ее с шеи животного.

– Я первая это увидела! – и тут же взвизгнула от боли, отбросив собачье украшение куда-то в песок. – Оно жжется!

– Дайте воды! – не слушая стоны певицы, заволновалась Александра. – Собака дышит!

Кто-то протянул флягу и увел плачущую Зу – поперек ее ладони наливался красной ожег.

– Пей, пей!

Пес приподнял было голову, но в бессилии уронил на песок. Александра приоткрыла его пасть и влила в нее немного воды, потом смочила шершавый нос животного.

– Дани, положи его в мою корзину.

– Но там твой концертный костюм.

– К черту костюм, сегодня станцую без него. Никто и не заметит.

– Ох, тяжелый пес, килограмм на двадцать пять! И зачем он нам нужен?

Саша только вздохнула.

– Если бы я так рассуждала, то и ты до сих пор бы гнил в кандалах.

– Но я человек! – недовольный Даниил оглянулся на подругу, которая шарил пальцами по песку, пытаясь отыскать брошенную цепь. – А это всего лишь собака. И да, в который раз говорю спасибо, что выкупила меня.

– Не злись. Пес тоже землянин. А мы должны держаться друг друга, – Саша сдула с кругляша, болтающегося на цепи, мелкую пыль. – И вовсе она не жжется...

– Что там? – Даниил едва удержал дернувшуюся всем телом собаку. Уложив ее в корзину, успокаивающе похлопал по грязному боку.

– Да ничего особенного. То ли чье-то лицо, то ли лепесток с прожилками. Ой! Оказывается, это снимается...

– Что еще за «это»? – Дани отряхивал от песка выброшенный из корзины концертный костюм.

– Вроде пленки какой-то. Защитная, наверное. Дань, глянь, как красиво... – Зу, забирающаяся на лежащего верблюда, резко обернулась. В руках Шаши горел драгоценными камнями кулон – две сросшиеся маски: одна улыбающаяся, другая сурово сдвинувшая брови. Отражающееся в камнях светило посылало в небо снопы искр. Танцовщица, недолго думая, накинула

цепочку себе на шею. – От такого украшения и я бы не отказалась. Понятно, почему его прятали.

– И правда, зачем оно полумертвой собаке? – пожал плечами Даниил, засовывая цветное тряпье в свою дорожную сумку. – Только смотри, как бы хозяин пса не посчитал тебя своей. Ты же добровольно напялила на себя его ошейник.

– Я первая нашла! – выкрикнула Толстушка Зу, намереваясь вернуться за находкой, но верблюд начал подниматься, и ей пришлось, чтобы не вывалиться, вцепиться в стойку паланкина. – Потом отдашь. Цепь моя!

Лорд Гаррон Цессир из рода Меняющих лики лежал в корзине и чувствовал себя крайне несчастным. Он не мог избавиться от шкуры ненавистной собаки, его едва не убила пустыня, а в довершение всех бед он оказался женатым. Одно хорошо, если бы родовой амулет, магически связывающий брачными узами, надела толстушка, ему только и оставалось бы наложить на себя руки. Конечно, если бы их удалось вернуть. Лапы бассет-хаунда были столь коротки, что даже не позволяли удушиться.

Глава 2. К ноге, Рон!

Пес наблюдал за выступлением, сунув морду под натянутый между двумя пальцами занавес. За спиной, расположившись на расстеленных коврах, дожидались своего часа еще не показавшие своего умения члены «концертной бригады», а их, как Гаррон успел посчитать, было семеро, включая музыкантов. Остальные из каравана, который подобрал его, обессиленного и подышающего от жажды, служили погонщиками или охранниками, над которыми главенствовал тот самый здоровяк по имени Дани.

«Очень странная компания, – Гаррон пытался понять, в чьи он попал руки. – Явно не из местных. Значит, рабы? Но почему путешествуют без хозяина? Или хозяин настолько знатен, что никто не посягнет на его собственность? Нет, здесь дело в чем-то другом, более тонком. . . Доверяет? Толстухе из Шаму? А может Дани? Или вот этой девчонке в золотых одеждах? – пес повернулся и скривил морду. На шее девушки в замысловатом тюрбане висел амулет его рода. – Знала бы она, что, напялив на себя строн, тут же становится чьей-то женой. Но кто ей об этом скажет? Теперь или мириться с фактом, что у меня жена-рабыня, или ждать ее смерти. Благо люди долго не живут, а уж рабы тем более. Хорошо хоть догадалась вновь прикрыть строн защитным Упырем, гасящим его магию. Теперь амулет не привлечет ненужного внимания. И толстуха вроде перестала глазеть на него с вожделием».

Пес вздохнул, когда обернулся на певицу из Шаму. Зу утопала в подушках, но даже они не могли поспорить с объемом ее живота.

– Смотри, как у твоей собаки смешно поднимаются брови, когда она наблюдает за нами!

Пока на импровизированной сцене, освещенной чашами с огнем, рвущимся в небо, фокусник, встречаемый одобрительными хлопками и возгласами удивления хозяина и его гарема, усердно распиливал ассистентку на несколько частей, Дани позволил себе немного расслабиться. Сел на корточки рядом с псом и потрепал его по холке.

Гаррон совсем не хотел, но стоило повернуть голову к воину, как брови вновь пришли в движение, что вызвало смех у присоединившейся к ним Шаши.

– Я рада, что мы его подобрали. Хоть какое-то напоминание о прежней жизни, о Земле.

– А я? – тут же откликнулся страж.

– А ты скоро вернешься домой. Амулет перемещения через неделю будет у меня, – она похлопала по карману, который прятался в недрах многослойного одеяния. – Деньги на него уже собраны.

Пес закрыл глаза, когда девушка поднесла руку, чтобы почесать его за ухом. Ласка могла обернуться увечьем: каждый палец танцовщицы венчал длинный ноготь. Но она на удивление ловко с ними справлялась, поэтому Гаррон испытал смесь удовольствия и досады. Все-таки он был человеком, а собачья натура предательски охотно отзывалась на ласки "хозяйки".

«Ну вот, осталось только упасть на спину и подставить пузо!» – стоило подумать, как тело тут же подвело.

– Ты очень милый пес, но там я чесать не буду, – Шаша поднялась. – Тебя сначала следовало бы помыть.

Большого унижения лорд Гаррон никогда не испытывал.

Зу поднялась с ковра с помощью двух человек. Взбила пухлыми пальчиками черную гриву, глянула в зеркало, не размазалась ли помада, и пошла на «сцену».

Пес проводил ее долгим взглядом. Все-таки она была нелепа в золотом платье – близнеце того, что было надето на Шаше. И серьги в ушах слишком тяжелые – оттянули мочки чуть ли не до плеч, а на пальцах слишком много колец. На ногах браслеты, сопровождающие перезвоном каждый шаг «дивы». Встала, растопырила руки. Хозяин оазиса спрятал улыбку в усах, гарем с его позволения захихикал. Зу набрала полную грудь воздуха... и запела.

Гаррон быстро захлопнул пасть. Что за чарующий голос! Низкие ноты пробирали до самого нутра, шерсть на холке встала дыбом, а вязкая слюна потянулась до лап.

– Хороша, да? – спросил пса Дани, и Гаррон поспешно облизнулся. – Вот такая она, наша Зу. Стоит запеть, и все ей прощаешь.

Раскланивалась Толстушка Зу долго и с удовольствием. Сам Вари-даг подошел к ней и, надев на палец кольцо с собственной руки, поцеловал пухлую ладонь.

– Чаровница...

Зу, поблагодарив зрителей, кивнула музыкантам и затянула новую песню. Шерсть на холке вновь встала дыбом, но насладиться пением псу помешал разговор, который шепотом вели Шаша и Дани. Чтобы понять, о чем речь, Гаррону пришлось подползти ближе.

«Так они оба из России!» – удивился он, услышав правильную русскую речь. Гаррон по делам службы не раз перемещался в Москву, да и совсем недавно обретенная сестра Юлька была родом оттуда.

– Смотри, вон та, у ног Вари-дага, – Шаша показала на худенькую девушку, которая прижималась к ножке кресла своего хозяина. Ее поза выдавала полное подчинение. – Видишь, лицо заплаканное.

– Ну? – Дани прищурил глаза.

– Мария совсем недавно в гареме. Я слышала, что она плачет каждый день. Вари-даг сам приволок ее с Земли.

– Ты надумала ее спасти? Но мы совсем не знаем, кто она и откуда...

– Скажи просто, что боишься возвращаться на Землю. Да, прошло много времени, и тебя наверняка похоронили, но... Мама там, сестра! Неужели не хочешь их увидеть, жить не рабом?

– Дурочка, я не хочу оставлять тебя одну.

– Мне нечего бояться. Сам король покровительствует мне. Я под его защитой. Да и кто из хаюрдагов укажет на меня? Или ты думаешь, что Вари-даг пойдет жаловаться Хаюрбу, что кто-то увел его младшую жену? Да он язык скорей откусит, чем признается, что не имеет власти в своем гареме.

– А если тебя когда-нибудь выдаст эльф-контрабандист?

– Ему какая выгода объявлять всем, что он продает амулеты Ханнора не только врагам-хаюрдагам, но и мне? Тем более, что я за молчание плачу вдвойне...

– Ох, Сашка! Рисковая ты девчонка!

– Ну все, я пошла.

Зарокотал барабан. словно по его команде огонь в чашах взметнулся еще выше, раздвигая тьму ночи.

Шаша скинула с себя одежду, легким движением стянула с волос тюрбан, тряхнула ими и, плавно покачивая бедрами, вошла в круг света. Гаррон сел на задние лапы. Была бы более чувствительная натура, упал бы в обморок.

– Пресветлый Шаагиль! Вот это женщина!

Он впервые видел Шашу с непокрытой головой, а потому не ожидал, что у сероглазой танцовщицы окажется смоляной цвет волос. Золото обнаженной кожи мерцало искрами, лицо походило на маску, где живыми оставались только глаза, для контраста сильно подведенные черным. Короткая, прямо обрезанная челка открывала густые брови, а вплетенные в пряди золотые змейки, покачиваясь в такт движениям, приковывали к себе взгляд. Все в ней завораживало и будило желание.

Губы, высокая грудь, маленький пупок и...

Ритм барабана учащался, танец набирал темп.

Сердце билось так, будто зазнамерилось вырваться. Гаррон был ослеплен, повержен. Хотелось выть и кусаться. И бежать в ночь, чтобы ветер бил в лицо...

«Э-э-э... в морду».

Это небольшое уточнение отвлекло и даже раздосадовало. Был бы он мужчиной, ни за что не упустил бы столь горячую штучку, как Шаша. А он всего лишь паршивый пес, который еще в начале дня валялся в грязной канаве.

Самоуничижение не позволило запомнить тот момент, когда в руках танцовщицы появилась тонкая кисея, своей чернотой напоминая звездное небо. Шаша крутанула ее над головой, и воздух сделался невероятно тяжелым. Смолк барабан, а язык у пса вывалился сам по себе. Захотелось закрыть глаза и тихо скулить, представляя сахарную кость.

Между тем танцовщица неспешно огляделась. Гаррон, гася инстинкты и желания, проследил за ее взглядом и был немало удивлен. Все вокруг словно замерзло: музыкант так и не опустил ладонь на барабан, Толстуха Зу застыла с бананом в руках и открытым ртом, охрана каравана и хозяина оазиса смотрела вдаль пустыми глазами, даже Дани сидел истуканом, опустив светловолосую голову на колени.

– Говори, – приказала Шаша, разрывая поцелуй с Вари-дагом.

– Ты сладка как хурма, – вкрадчиво произнес хаюрдаг, не замечая, что вокруг все застыло. Ветер не раскачивал длинные листья пальм, смолкли сверчки, а над головой замерла в полете ночная птица.

– Не боишься своего короля? – длинный ноготь, которым она вела вверх по горлу мужчины, оставлял красный след. Вари-даг сглотнул.

– Я могу выкупить тебя у него. А хочешь, я сам стану королем?

– У тебя хватит денег и людей? – она улыбнулась, когда рука мужчины поползла по ее бедру, снимая тонкий слой золотой краски

– У меня тысяча отборных скакунов из Влада, а у берегов Кадии корабли, которые по моему приказу остановят поток рабов в королевские колонии. Хаюрб против моей мощи ничто.

– Ты со своими скакунами здесь, корабли там. И те, и другие слишком далеко от столицы. Шторм и пески легко уничтожат твою армию. Нет, тебе рано грезить о короне и обо мне.

– У меня сундуки забиты амулетами Ханнора! Хочешь, я прямо сейчас пошлю гонцов, а к утру мои всадники будут крушить шатры Хаюрба?

– Давай оставим эту ночь для любви, – Шаша потянулась к губам Вари-дага. – Все потом... Все потом...

– Как нехорошо подглядывать, – сказала она псу, когда второй поцелуй погрузил мужчину в глубокий сон. – Теперь осталось дело за малым, – Шаша торопливо стерла краешком звездной кисеи, которую она набросила на обнаженные плечи, следы губной помады. – Давай поговорим с плачущей малышкой. Милая! Милая, просыпайся!

Девушка, которую в разговоре с Дани, Шаша назвала Марией, томно потянулась, и открыла глаза.

– А? Что?

– Не бойся. Я хочу помочь. Скажи, Маша, ты с Земли?

Та, чуть помедлив, кивнула.

– Я могу вернуть тебя домой.

– Но Вари-даг, мой господин... – залепетала младшая жена.

– Он обижает тебя?

В глазах у Марии набрякли слезы.

– Успокойся, милая, – Шаша не хотела беречь незажившие раны. – Давай договоримся, через десять дней, максимум две недели, за тобой придет вон тот воин, его зовут Дани. Будь готова и ничего не бойся. Расскажешь ему, из какого ты города, и он доставит тебя туда. Поняла?

Девушка судорожно вздохнула.

– А пока поспи, рассвет скоро, – посоветовала Шаша и на цыпочках отправилась за полог.

Когда оазис и его обитателей разбудили первые лучи солнца, караван Шаши уже давно был в пути.

Постоялый двор, где путешественники оказались через два дня, встретил их запахом горячей пищи, мягкой постелью и целым корытом воды, которое принесли в комнату Шаши.

– Просто блаженство! – Шаша закрыла глаза и погрузилась в воду по шею. Немного посидев так, она, набрав в легкие воздуха, окунулась с головой.

– Саш, тут твой пес скулит, – в комнату заглянул Дани. Увидев, как намылившая лицо Александра махнула рукой, впустил собаку.

Гаррон забрался под кровать и принялся ждать. Он не раз слышал, что его искупают, и теперь предвкушал, как избавится, наконец, от грязи, из-за которой чешется все тело.

Девушка что-то напевала. Не сказать, что голос ее был хорош, но хотя бы не резал чувствительный собачий слух. Дрема заставила положить голову на лапы и сомкнуть глаза. Пса разбудила шмякнувшаяся на пол мочалка, которая обдала его брызгами пены. Высунув голову из-под покрывала, Гаррон поднял глаза на чертыхнувшуюся Шашу и... решил, что ошибся комнатой.

«Но меня сюда привел сам Дани», – пытался он убедить себя, не сводя глаз со светловолосой незнакомки. Где черные брови и роковой взгляд? Перед ним сидела милая девочка с широкой улыбкой и вздернутым носиком.

– Что? Не узнал? – незнакомка перевесилась через край корыта и подхватила мочалку. Гаррон зажмурился, чтобы не увидеть лишнего. Будучи псом, он продолжал оставаться порядочным мужчиной. – Да, вот такая я без всякого блеска. Девушка Прасковья из Подмосковья.

Пес выдохнул, когда она, продолжая беззаботно болтать, вновь погрузилась в пену.

– Но это будет нашей с тобой тайной. Никто из хаюрдагов не должен знать меня в лицо. Для всех я прекрасная класиса. Ты удивлен?

Только Гаррон открыл глаза, как Шаша встала в полный рост и принялась тереть живот и ноги, выставляя то одну, то другую на край корыта.

«Она что, издевается?!» – пришлось сфокусировать взгляд на переносице танцовщицы.

– Ах, да, ты же не знаешь, кто такие класисы! – Александра рассмеялась. Мыло и вода – вот что поднимает настроение любой женщины. – Мы особая каста танцовщиц, которые вот ни на грамм не обладают магией, но пользуются всякими магическими штучками. Ты же сам видел, как я танцую, и как балдеют мужики. Каждый из них думает, что сейчас именно он целует класису и извивается с ней в танце. Ну, или вовсе не в танце... Это все иллюзия, а змейки в моих волосах, – она кивнула на висящий на спинке стула черный парик, – самые настоящие магические амулеты. И к тому же редкие. Дорого? О, да, очень дорого! А еще помада, краска для тела, всякие заговоренные камешки... Я как-нибудь познакомлю тебя с моим любимым мастером иллюзий. Другие класисы удавились бы, лишь бы узнать его имя, но я никогда не открою секрет, кто готовит мне амулеты.

Саша выбралась из корыта.

– Ух, хорошо!

Пес едва успел закрыть глаза. Послышалось шуршание ткани, и Гаррон позволил себе убедиться, что танцовщица запахла простыню на груди.

– Ну, теперь давай по-настоящему знакомиться, – девушка присела перед ним на корточки и протянула руку. – Александра Верхова, двадцать четыре года. А как тебя зовут, блохастик?

Пес зарычал.

– Ух ты какой обидчивый. Совсем как Дани. Шариком будешь?

– Гав-р-р-он! – все, что позволила его пасть. Лапу подавать принципиально не стал.

– Гав, так Гав.

– Гау-р-р-он! – рявкнул, что было сил. Какой еще Гав?!

– Не нравится Гав?

Собака истерически залаяла.

– Гау-рон! Рон! Рон!

– Хорошо-хорошо. Будешь Роном, – смилостивилась Саша. Зевнула, прикрывая ладонью рот. Ногти обыкновенные, постриженные чуть ли не под корень. Нет тех пик, которые венчали пальцы еще сегодня утром.

– Дани! – позвала Александра. – Будь добр, помой собаку. Я что-то притомилась. Если не посплю часок, умру. К ужину разбуди, ладно?

Гаррон вздохнул.

Глава 3. Все прахом

– К ноге, Рон! – Шаша вновь была вся в золоте и с тюрбаном на голове. Она величаво, как и положено популярной личности, спускалась по деревянной лестнице. Пес соскакивал со ступеньки на ступеньку следом. Лестница для него, коротколапого, стала еще одним испытанием. Сильно раздражал запах мыла, которым его помыли. И есть очень хотелось.

В нижней зале к удивлению Гаррона столов и стульев как таковых не оказалось. Все, в том числе и Шаша, забрались на приподнятую над полом квадратную площадку, устланную коврами. В центре ее находилась узкая скатерть, уставленная блюдами. Ни ложек, ни вилок. Дани пальцами сформировал кучку тонущего в масле риса и ловко закинул ее в рот.

– Мне очень жаль, госпожа, но с собакой нельзя, – за спиной Шаши появилась согнутая пополам фигура. Голову венчала плоская шапочка, густо расшитая черным и белым бисером. Жидкая борода дрожала. – Другие постояльцы проявят недовольство.

– Пес служит королю, – ответила танцовщица, но увидев умоляющие глаза просящего, смилостивилась. – Тогда подайте ужин в мою комнату. Рон, за мной!

– Я бы тоже хотела поесть не у всех на виду, – подала голос Зу. Ее телеса заколыхались, когда она, не поднимаясь, заерзала по ковру к тому месту площадки, где могла спустить ноги.

– Сидеть! – рявкнул Дани. – Едим все вместе, не расходимся. А собаку я привяжу на улице. Там ей самое место.

– Дани! – запротестовала Шаша, но увидев, что друг непоколебим в своем решении, поджала губы.

– Скоро ты пса в постель пустишь, – прошипел он и, сдернув с себя тонкий ремешок, отчего одежда распахнулась и явила волосатую грудь, удавкой накиннул его на шею Гаррона.

«Рабства избежать не удалось», – грустно подумал пес и поплелся за Дани туда, где пережевывали корм знакомые лошади. Вскоре перед ним поставили миску с водой и кинули полуобглоданную кость.

Гаррон страдал. До этого он был грязен и не чесан, но его кормили с руки, а теперь от него воняло мылом, и ел он с пола.

На следующем постоялом дворе верблюдов сменили запряженные в повозки кони – впереди путников ждал перевал. Горная гряда, даже в жаркое время занесенная снегом, делила Хаюрбат на две части: малонаселенную северную и благоденствующую южную, упирающуюся пологой частью в море. Здесь-то Гаррон впервые за всю свою собачью жизнь почувствовал себя нужным: его пустили в постель, чтобы он согревал ноги Шаши. Утром пес проснулся на одной с ней подушке, а его теплое пузо прижималось к груди танцовщицы. Он был почти счастлив и даже не обиделся, когда его одернули командой «К ноге, Рон!».

До столицы они добрались к исходу седьмого дня.

Повозки остановились у приземистого одноэтажного здания без единого окна, выходящего на улицу. Гаррон встряхнулся и встав на облучок, огляделся. Нет, не такой он представлял столицу Хаюрбата. Где белокаменные дворцы? Где воздушные переходы и арки, где легкость строений, свойственная соседней Кадии? Темно, душно и грязно. Красноватая пыль, скрипящая на зубах, висела над городом туманом, из-за нее даже ночное светило поменяло цвет с серебристого на ржавый.

– Давай, давай, проходи! – Дани подпихнул пса ногой в сторону небольшой дверцы в глинобитном заборе. Рон зарычал, после чего получил более ощутимый пинок и влетел, наконец, во внутренний дворик. Фруктовые деревья, небольшой водопад, стремящийся в круглый водоем с золотыми рыбками, птица, подающая голос из плотно закрытой тканью клетки.

– Фить-пе-рю! Фить-пе-рю!

– Вот мы и дома! – воскликнула Шаша и, широко раскинув руки, закружилась. Ее движение всколыхнуло пламя, гнездящееся в чашах на высоких тонких ножках. Кто-то заранее обеспокоился подготовиться к приезду хозяйки.

Между тем караван из повозок тронулся, увозя восвояси остальных путешественников, лишь конь Дани, привязанный к колышку на улице, терпеливо ждал своего седока.

Не успели внести вещи, как кто-то поскребся в калитку.

Рон не удержался, залаял, хотя быстро заткнулся, ругая себя, что так легко поддается собачьим инстинктам.

– Подожди, – Шаша остановила Дани, направившегося к двери. – Наверное, это эльф.

– Ты никогда не называешь его по имени.

– Я просто его не знаю, как и он моего настоящего. Так безопаснее. Кто там?

– Цветы от поклонника.

Во двор вошел утонченный мужчина без определенного возраста. Ему могло быть и сорок, и четыреста. Красивое лицо, гладкие серебристые волосы, забранные сзади в хвост, свободная рубаха, опоясанная тонким ремешком, белые штаны и белые же башмаки. Ни капли пота на лице, хотя Шаша и Дани им обливались.

– О, у нас посторонние?! – эльф дернулся, чтобы уйти, но его остановила танцовщица.

– Это свои.

Лицо эльфа скривилось. Он спрашивал вовсе не о собаке, хотя та смотрела на контрабандиста, играющего на руку врагам Агрида, во все глаза. Его беспокоил Дани.

– Я же просил, чтобы никто и никогда...

– А по городу ты как шел? – Дани набычился. – Думаешь никто не заметил такого дятла с корзиной цветов?

– Дани, на улице он пользуется иллюзией. Да и сейчас я не уверена, что мы видим его настоящее лицо.

– Сегодня я просто старушка, – эльф постучал длинным пальцем по висящему на шее приметному кругляшу, – которая тащит с рынка корзину с фруктами.

«Амулет, сделанный отцом?! – Гаррон не верил своим глазам. – Кто же ты такой? Наверняка не последний эльф в княжестве, если позволяешь себе весьма редкие артефакты».

Цессир-младший знал, о чем говорил. Его отец не торговал, как многие даровитые маги, амулетами, в которых были заложены способности рода. Ему хватало денег от основной деятельности, направленной на благо королевства. Меняющие внешность медальоны выдавались строго по ведомости, а по использованию немедленно возвращались под ту же роспись. При подготовке к сложным операциям в такой артефакт закладывалась не одна смена ликов, порой доходило до двадцати. А потому тратиться на безделушки для бездельников или, как бы точнее выразиться – для розничной торговли, лорд Цессир ни за что не стал бы. Он берег магию для более важных дел.

«Значит ли это, что и в нашем ведомстве есть предатель?»

– Принес? – не стала тянуть Шаша. Было заметно, что ей не терпится избавиться от общества контрабандиста.

– А где деньги? – эльф приподнял бровь.

Танцовщица порылась в карманах и вытащила тканевый мешочек. Мужчина задумчиво взвесил его в ладони.

– Амулет перемещения в корзине, – произнес он. – В следующий раз приготовь золота на десять процентов больше.

– Почему? Ханнор поднял цены? – насторожился Дани.

– Он и не знает, что его амулеты попадают в Хаюрбат, деточка, – эльф отвечал лениво, тянул гласные. – Цена повышается из-за дятла. За все надо платить. Даже за неосторожно брошенное слово.

Эльф смерил насмешливым взглядом Дани, и тот сжал кулаки до белых костяшек.

Гаррон не выдержал. Поднял ногу, и белые штаны контрабандиста украсило желтое пятно.

– На двадцать процентов, – ничуть не меняясь в лице изрек гость перед тем как покинуть дворик. – Теперь цена повышается на двадцать процентов.

Дани сел на корточки и пожал лапу псу. Танцовщица удрученно покачала головой.

О чем они разговаривали в доме, Гаррон не слышал, его оставили за дверью, но Даниил вышел раздосадованный, а Саша плакала. Перед калиткой они крепко обнялись. Воин взял из рук Александры разворошенную корзину с цветами и зашвырнул ее через забор на улицу. Потом наклонился к самым губам танцовщицы.

– Поцелуй меня так, как ты целуешь всех этих хаурдагов. Я хочу обо всем забыть.

– Я поцелую тебя так, чтобы ты обо всем помнил и не стремился вернуться сюда, – она обхватила его лицо ладонями и нежно прикоснулась к губам. Пес заскулил. В Гарроне впервые проснулась ревность.

Саша долго плакала, потом всхлипывала во сне, ворочалась с боку на бок, пихала пса ногами, гоня его с постели прочь. А он не уходил. Знал, что теперь у Шаши остался он один.

Только через сутки танцовщица покинула кровать. Тщательно накрашившись и приказав псу ждать, она скрылась за калиткой. Куда уходила Шаша, Гаррон узнал от служанки, которая сначала долго кричала, испугавшись нового постояльца, а когда вернулась хозяйка, все-таки согласилась слезть с забора. Рон как истинный мужчина защищал свой дом и свою женщину.

– Вы опять грустная? Были во дворце? – Санья перебирала вещи для стирки. В очаге готовилось жаркое, обильно сдобренное перцем, отчего Рон не единожды чихнул.

– Да. Успокаивает одно – у нас опять есть деньги. Его Величество щедр.

Проклятый перец помешал учуять запах чужого человека, но, когда жаркое съели и помыли посуду, Гаррон весьма тщательно обнюхал башмаки Шаши и ее одежду. И пришел к неприятному выводу: она не только находилась рядом с мужчиной, но тот ее еще и лапал. Синяки на запястьях, которые пес увидел вечером, заставили пожелать королю песков смерти.

«Я его сам убью, клянусь!»

Через несколько дней, когда Шаша, раздевшись до пояса, умывалась на улице, из дома послышался страшный грохот. Танцовщица в недоумении посмотрела на пса, стыдливо закапывающего под деревом отходы жизнедеятельности, потом поспешно накинула халат и схватила плоску на длинной ручке, с помощью которой гасила пламя в светильниках. Рон оскалил зубы, приготовившись нападать.

Послышались тяжелые шаги, и на крыльцо вывалился человек в окровавленных одеждах.

– Дани? – еще не веря, что перед ней лицом вниз лежит тот, кто уже должен был вдыхать запах родины, Шаша упала на колени и с трудом перевернула мужчину. На его губах пузырилась кровь. – Дани?! Боже, ты ранен?!

Саша отбросила плоску и принялась лихорадочно задирает рубашку, на которой пятно крови все ширилось и ширилось.

– Ты ошиблась... Она не хотела домой, – прошептал он, сглатывая кровь. – Мария хотела стать первой женой Вари-дага. Нужно спастись... Он скоро будет здесь...

– Дани, не умирай!!! – взвизгнула Саша, когда ее друг закрыл глаза.

Он с трудом разлепил веки, поднял руку, погладил по щеке, оставляя на ней кровавый след.

– Он расскажет королю. Беги...

Шаша запечатала ладонями рот, и крик, что рвался из нее, не был услышан соседями.

Рон вцепился зубами в ее халат и потянул.

«Спасаться! Она должна спастись! Времени нет!»

И ни разу в его собачьем мозгу не мелькнула мысль, что все оборачивается к лучшему: за деятельность, идущую во вред государству, Хаюрб наверняка казнит свою танцовщицу, и он, Гаррон, лорд Цессир из рода Меняющих лики, вновь станет свободным. Останется дело за немногим: отыскать побрякушку, которую никто в Хаюрбате не признает как драгоценный строн.

– Сесилия, это я, Шаша!

В двери на уровне глаз открылась щель, и через нее было видно, что за спиной хозяйки горит довольно яркий свет.

– Я не узнаю тебя, деточка, – произнес приятный женский голос.

– А так? – Шаша сбросила с головы капюшон и натянула парик с золотыми змейками.

– Пресветлая Афарика, что с тобой случилось?

Гаррон, находясь на поводке и поскуливая от волнения за хозяйку, затих. «Пресветлая Афарика?! Неужели артефакторша из наших, агридских!»

– Можно, я войду с собакой? – дверь открылась, и женщина в аккуратном переднике со множеством карманов с удивлением уставилась на пса. Шаша кусала губы, ей хотелось поскорее скрыться в доме. – Он спокойный!

Гаррон постарался сделать милую морду. Подвигал бровями. Высунул язык.

Ему понравилась Сесилия. Он прямо-таки чуял, что она самая настоящая агридка. Высокий лоб, умные глаза, светлые волосы, заколотые вроде бы небрежно, но не оставляющие впечатления «вороньего гнезда». Такую трудно представить болтающей с кумушками. По торчащим из карманов передника предметам можно было легко догадаться, что хозяйка дома большая рукодельница, старающаяся не терять ни минуты.

– Впервые за все годы пребывания в Хаюрбате вижу собаку, – Сесилия отступила, впуская неожиданных гостей. Она провела их в комнату, мало похожую на жилую.

Сердце Цессира возрадовалось. Он будто очутился на родине, в одной из мастерских друзей, которые создают артефакты, наполненные магией рода. Бочка в углу – в подобные в Агриде смывают остатки волшбы, на столах заготовки для амулетов, различные инструменты – линейки, ножи, даже пила, по стенам развешаны куски кожи и разноцветные парики – братья того, что сейчас лежал на коленях танцовщицы, на полках банки с мазями и притирками, небольшой очаг с котелками и тиглями. По углам сундуки с наваленными на них ворохами ткани.

Пес громко чихнул, заставив артефакторшу вздрогнуть. Уж очень сильно несло из бочки, где плавали ошметки магии. Острый запах, можно сказать, разъедал нос.

«Как же давно она не меняла воду?» – Гаррон точно знал, в их лаборатории слуги выносили бочку к реке Сытой минимум раз в неделю.

– Мы нашли Рона в песках близ оазиса Вари-дага, – Шаша сказала и только потом подумала, что не стоило произносить имя хаюрдага, который теперь наверняка за ней охотится. – Пес умирал от обезвоживания... Ну, я и пожалела.

– Давай сейчас не о нем. Расскажи, что с тобой случилось. На тебе лица нет.

– Как вы правы! Лица действительно нет, – пальцы Шаши нервно мяли черные волосы парика. Звенели змейки-амулеты. – Остаться без грима самая лучшая защита. Люди никогда не видели моего настоящего лица, и даже личная служанка сейчас не признала бы меня.

Ее рассказ был недолгим, но произвел на Сесилию сильное впечатление. Она даже поднялась и бесцельно закружилась по комнате. Волнение не давало оставаться на месте. Опомнившись, артефакторша вернулась на низенькую скамеечку, сдвинула ее так, чтобы оказаться напротив стула своей гостьи.

– А Его Величество разве не догадается, что это ты?

Александра вздохнула.

– С ним все сложнее. Он знает каждую родинку на моем теле, ведь я его птенец.

«Что значит птенец?» – поднял голову пес.

– Какие родинки, милая? Он знает каждый шрам на твоём теле, – Сесилия задрала рукав Саши и, увидев синяки, покачала головой. – Опять мучил?

– Его Величество это называет учением. Выдержать бой на ножах, на палках и еще бог знает каком оружии, уметь молча переносить боль, не поддаваться на провокации, ничем не гнушаться в достижении цели. О, боже! – Александра закрыла лицо ладонями. – Я сама толкнула короля на встречу с Вари-дагом, рассказав об его армии. И если разгневанный хаюлдаг еще может передумать доносить на меня, поручив разобраться своим людям, то правитель не отступит. Слишком опасен для него стал Вари-даг. Всадники, боевые корабли, амулеты перемещения, способные перекинуть воинов на любые расстояния...

– Да уж... Это называется попасть меж двух жерновов.

– Что мне делать, Сесилия? У меня совсем никого не осталось! Некуда бежать...

– Кто-нибудь знает, что мы с тобой дружны?

– Нет-нет! У класис не принято болтать о своих артефакторах!

– А Его Величество?

– С ним мы почти не разговариваем, – Шаша опустила глаза.

Вопрос Сесилии разбередил свежую рану. Всякий раз, когда Александра шла во дворец, она тихо умирала. Писала дрожащей рукой отчет, а потом ждала, когда придет ОН. Эти минуты, а порой часы были самыми страшными. Король ни о чем не спрашивал. Зачем, если тайная канцелярия до точки изучит ее писанину? Хаюрб подходил близко, большим пальцем стирал помаду с ее губ и долго-долго смотрел в глаза, словно искал в них какие-то изменения, должны произойти с момента последней встречи. Порой тут же отсылал из дворца, но чаще жестом приказывал раздеться, потом брал оружие, позволяя выбрать и ей, вставал в боевую стойку. Несмотря на года, король был ловок и вынослив, а она не понимала, зачем ему каждый раз загонять ее в угол. Она злилась, сопротивлялась, сжимала зубы от боли и желания убить мучителя, он же смотрел на нее как на подопытную мышь, от которой ждут определенной реакции. Но, видимо, неправильная она мышь...

Сам же потом вызывал лекарей, чтобы привести ее в порядок. Не уходил, наблюдал, как магия льется из ладоней целителей.

За шесть лет король единственный раз был с ней нежен и терпелив. «Так надо, девочка», – произнес он перед тем, как распахнуть на ней одежду и нависнуть над безвольным телом. Опоил? Наверно... Да, она не хотела его как мужчину, а потому назвала свершившийся акт насилием и плюнула Хаюрбу в лицо. Он рассмеялся и взял в руки плетку. Больше Шаша не смела поступать с ним непочтительно. И считала счастьем, что король ни разу не позвал в свою постель. Женщин в гареме хватало...

– У меня такое чувство... Мне кажется, ему зачем-то надо, чтобы я его ненавидела...

– Бедная девочка, сколько же тебе пришлось вынести! – рука Сесилии легла на колено гостыи. – Как же тебе помочь? Слушай, а может, наскребем денег и купим амулет перемещения?

– Нет, не наскребем, – Александра всхлипнула. Рон, жалея, лизнул ее щиколотку. – Даже если мы продадим дом, денег не хватит. И потом, я не могу вернуться на Землю.

Шаша задрала платье и показала на внутренней стороне бедра небольшое круглое клеймо. Будто пальцем кто-то сильно надавил, оставив красный след.

– У птенцов короля нет родины, мы там, куда нас пошлют. Но я не могу покинуть этот мир. За его пределами меня ждет немедленная смерть.

– Но почему же тогда не ставят подобные метки остальным рабам? Для хаюлдагов это было бы очень удобно... Ой, прости, милая, я интересуюсь из чистого любопытства. Я и сама когда-то была рабыней, но сумела выкупить себя.

– Это древняя магия, которая замешивается только на королевской крови. Она по капле отнимает у Хаюрба жизнь.

– Значит, ты особая?

– Выходит, что так...

Глава 4. Подмена

«Интересно, как Сесилия выкупила себя из рабства? – Гаррон еще раз осмотрел мастерскую и остановил взгляд на хозяйке. – Без магии артефакт не создашь, а значит, я был прав, думая, что хозяйка агридка, причем из знатного рода. Но как она оказалась в Хаюрбате? Выкрали? Почему не всполошились родственники? И чем она могла откупиться? Кто из хаюргагов позволил бы курочке, несущей золотые яйца, оказаться на свободе?»

Пес перестал пялиться на Сесилию, пытаясь отыскать в ней знакомые черты какого-нибудь царедворца. Артефакторша вполне могла быть бастардкой, коим строгий учет никогда не велся. Он сам совсем недавно узнал, что у отца на Земле росла внебрачная дочь Джулия.

«Росла, росла, да и выросла. До жены лорда Ханнора доросла. Эх, поскорей бы домой. Мы бы быстро выяснили, кто снабжает хаюргагов его амулетами», – в том, что маг из рода Разрывающих пространство не виноват, Гаррон и на мгновение не сомневался.

– Давай начнем с твоего преобразования. Даже если кто-нибудь нагрянет ко мне, он не должен догадываться, что ты Шаша. Скидывай платье. Оно слишком заметное.

– У меня других нет. Статус обязывал одеваться дорого.

– Я понимаю, – Сесилия поставила на стол железную чашу. Подхватила брошенный ворох одежды и, полив его черной маслянистой жидкостью, подпалила.

– Чтобы и следа не осталось, – в желании истребить доказательства существования попавшей в немилость танцовщицы, артефакторша совсем забыла о стоящей нагишом гостье. – Ах, да, на, прикройся! – она кинула первый попавшийся под руку отрез ткани. – Давай сюда браслеты. Кольца тоже. Все, что может тебя выдать.

Только теперь женщины столкнулись с проблемой странного амулета, который никак не хотел сниматься. Гаррон перестал дышать.

– Я уже пробовала, но цепочка все время путается в волосах, – пожаловалась Александра. Ее уши уже горели, шею густо покрыли красные пятна, а «собачий ошейник» ни в какую не снимался.

– Если бы побрякушка не выглядела так безобразно, я бы подумала, что это родовой амулет. Только строн невозможно снять с шеи. Причем для этого ты должна быть женой какого-нибудь лорда из Агрида.

Саша никогда не слышала о стронах, но холодок нехорошего предчувствия зародился где-то на кончиках пальцев и побежал вверх, пока не достиг громко бухающего сердца.

– Строн? Жена?! – она с трудом сглотнула. Горло мгновенно пересохло. Трясущимися пальцами сняла с медальона защитную пленку. Тот заиграл драгоценными камнями. И в свете сгорающего платья ей почудилось, что улыбка на одном из отлитых из неизвестного металла лице стала шире, а на другом брови собрались домиком. – Что такое строн?

– Уф-ф-ф! – артефакторша едва не села мимо скамейки. Постучала ладонью по стулу, чтобы Саша примостилась рядом. – Объясни-ка мне, деточка, где ты его взяла?

– Кулончик был вот на этой собаке, – Александра ткнула пальцем в пса, который забился под стол.

– И ты просто так сняла «кулончик» и надела на себя?

– Сняла не я. Толстушка Зу сдернула цепочку с Рона, а потом два дня дула на ожог.

– Пресветлая дева! Это все-таки строн! Он обжигает или до одури пугает, но никогда не дается в руки женщины, не обладающего магией.

– Откуда во мне магия?! Я обыкновенная девчонка с Земли. Мой дедушка работал директором завода, а бабушка была учительницей. Родители врачи в корпусе мира, правда, я их почти не видела. Вечно в разъездах.

– Нет, милая. Ты самый настоящий маг. И строн тому доказательство.

– А может, это ваши амулеты «намагичили»? Или те, что дал король? У меня с собой как раз была пелена, останавливающая время, а в кармане тюбик с помадой, развязывающей хаюрдагам языки. В день, когда нашли собаку, я как раз готовилась к выступлению и была увешана артефактами с головы до ног, – увидев отрицательный жест, Саша прикусила губу. – Но сама по себе я ничего не умею! Я пустышка, и, если бы не иллюзии, у меня ничего не получалось бы.

– Я не знаю, что и подумать. Но, как мне кажется, в твоём роду все-таки был кто-то из Агрида. Может быть, не родители и не бабушка с дедушкой, а кто-то из далеких предков, а потому дар твой слишком слабый, но он у тебя есть. Иначе строн не признал бы тебя.

Саша побледнела.

– И что теперь будет? Мне с ним по жизни ходить? А вдруг объявится хозяин этой собаки и потребует вернуть ошейник?

– Не хочу тебя пугать, но твой «ошейник» настолько ценная вещь, что у хозяина есть только два пути снять его: сделать тебе сыночка, и тогда ты сможешь передать родовой амулет наследнику, или...

– Боже, а вдруг этот хозяин урод? Или немощный старик под тысячу лет? – поймав взгляд полный жалости, Шаша, почуяв неладное, поторопилась узнать, что еще ей уготовила судьба: – Какой, говорите, второй путь?

– Как бы выразиться помягче, милая? Короче, смерть венец всему. Она освобождает и от строна в том числе.

– М-м-моя смерть?

Сесилия удрученно кивнула.

– И как ты умудрилась вляпаться еще и в это?

– Я просто притягиваю несчастья. Может быть, в этом и есть мой дар...

Пес под столом тяжело вздохнул.

Немного посидели молча. Каждый думал о своем.

Гаррон о том, что скажет ему Цессир-старший, когда придется признаваться, что родовой амулет находится у рабыни с темным прошлым и неясным будущим. А для начала неплохо было бы расстаться с собачьей шкурой, которая никак не желает исчезать. «Вся надежда на отца, он найдет способ. Не век же мне лаять...»

Артефакторша вспоминала день собственной свадьбы, когда лорд Краст Дафой назвал ее своей женой и торжественно надел на шею строн Читающих письмена. Тогда она злилась на отца, представителя рода Творящих миражи (это от него у Сесилии способность к иллюзии), против ее воли сговорившегося с Дафоями. Глупая, не понимала, что тот отрезок жизни оказался самым счастливым.

Шаша промокала глаза уголком тряпки, в которую была завернута на манер римской тоги. Нет, она плакала вовсе не потому, что стала чьей-то женой. Об этом она подумает позже, когда ее жизни ничего не будет угрожать. А сейчас... Сейчас как-то враз нахлынули воспоминания о последних минутах Даниила. И вновь запузирилась кровавая пена у него на губах, а в ушах звучал хриплый голос, пытающийся предупредить о провале.

«И зачем ты кинулся ко мне? Лучше бы сразу домой, может там, на Земле, тебе не дали бы умереть...»

Никакие оправдания, что до сих пор все спасенные девчонки только и мечтали о том, чтобы вырваться из страшного мира и вернуться к себе, не могли прекратить мук совести. Ей, считающей себя чуть ли не Робин Гудом хаюрбаатовского разлива, и в голову не приходило, что кто-то может желать иного! Почему, ну почему она была столь легкомысленна? Почему поторопилась и не проверила Марию? Ведь достаточно было мазнуть по ее губам помадой, чтобы услышать признание, как ей нравится жить в гареме, а плачет она лишь из-за того, что Вари-даг предпочел другую!

«Прости меня, Дани! Прости!»

Первой к реальности вернулась хозяйка маленького дома.

– Все! – похлопала она по спине согнувшуюся пополам Шашу. – Давай не будем думать о грустном. У нас еще полно дел. Надевай на строн ту штучку, что так хорошо его прятала. Мне кажется, его хозяин давно мертв, поэтому амулет оказался на собаке. И погиб тот хозяин, скорее всего, на чужбине, иначе строн давно бы прибрали к рукам родственники или сам король Агрида. Знать бы еще, кому он принадлежал.

– Вы же говорили, что амулет редкая вещь? Разве нетрудно будет вычислить род? Наверняка строн ищут.

– Знаешь, сколько магических родов в Агриде? Более тысячи. Я только на память могу назвать около пятидесяти. Род Оживляющих, Рвущих пространство, Говорящих с травами, Опьяняющих голосом, Читающих мысли, Призывающих дождь, Изгоняющих крыс, Выращивающих зерна саара...

– А это еще что такое?

– Очень дорогие зерна. Саар вызревает на гнилых болотах – там запах такой, что близко не подойти. Род Витро, без магии которого зерна становились бы ядовитыми, каждый год снимает совсем небольшой урожай, но представь себе его ценность! Стоит съесть всего лишь одно зерно, и твоя жизнь продлится минимум на десять лет. Причем ты не только живешь дольше, но и становишься моложе. Поэтому если встретишь сияющего молодостью лорда, не обольщайся: он может выглядеть как ровесник, но по годам быть глубоким старцем.

– Сесилия, откуда вы все так хорошо знаете?

– Я сама из Агриды. И когда-то тоже носила родовой амулет. Потому прими мой совет: не хочешь несчастий на свою голову, никому не говори, что у тебя есть строн. Прислушайся к себе. Рано или поздно ты почувствуешь изменения.

– Проснется мой дар?

– Не только твой. Строн – накопитель магии. Его надевают на невесту, чтобы она впитала магию жениха, но в то же время поделилась магией своего рода. Когда у пары появляется наследник, строн передается ему, чтобы ребенок освоил магию обоих родов. Можешь себе представить, какой силой обладают высшие маги Агриды? Тот самый лорд Ханнор, что изготавливает амулеты перемещения, по количеству знатных родов едва ли не равен королю. И он правильно делает, что держится подальше от двора. Элькассар не потерпит сильного соперника.

– Как все сложно!

– Я к чему вела? – платье почти догорело, Сесилия поворошила пепел. – Поскольку на тебе строн, он не только будет тянуть твой дар, но и наградит тебя магией того рода, которому принадлежал. Я с радостью назвала бы его, но лорды редко выставляют строны наружу, да и при дворе я была всего лишь раз в жизни. Поэтому повторяю, прислушайся к себе.

Пес, о котором совершенно забыли, пребывал в глубокой задумчивости.

– Казим, мне нужен труп, – лицо женщины было закрыто глубоким капюшоном. В руку палача опустился тяжелый мешочек.

– Целый труп? Обычно ты берешь только волосы.

Сесилия не в первый раз шла по коридору, освещенному лишь свечой в руке крепкого мужчины. Даже через свободную одежду легко угадывались канаты мышц. Лысый череп едва не задевал низко нависающий потолок. Королевский палач обладал незаурядными силой и ростом.

– Я не буду спрашивать, для чего тебе труп... – начал он, отворяя тяжелую дверь. Сесилия всякий раз удивлялась, зачем запирает мертвецкую на ключ? Разве казненные, у которых не оказалось родственников, могли разбежаться?

– И не надо, – агридка закрыла нос платком, поэтому ее голос звучал глухо. – Ни к чему тебе знать чужие магические секреты.

Она дождалась, когда Казим запалит факел. Хозяин мертвецкой шел впереди и останавливался только затем, чтобы осветить очередной труп. Несчастные лежали на каменном полу такими, какими их создал всевышний, поэтому Сесилия, созерцая наготу тела, испытывала неловкость.

– Ни одной женщины? – они почти дошли до конца узкого помещения.

– Ни одной. Приходи завтра, будет старуха.

– А ее за что? – Сесилия подняла глаза на палача. Для него смерть стала привычной. Казим показывал свой товар с той же безмятежностью, что и мясник на базаре: хочешь вырезку, бери вот этот кусок, нужны кости – загляни завтра.

– Старуха скрывала беглого раба. Вот его, – палач пнул труп, нашедший место на другой стороне сточной канавки, делящей помещение пополам.

– Пресветлая дева! Совсем ребенок! – перед агридкой лежал мальчик лет тринадцати со светлыми спутанными волосам. О таких говорят, что они похожи на ангелов.

– Этот ребенок убил трех стражников, прежде чем его взяли. Причем одним движением руки, – палач для наглядности щелкнул пальцами.

– Маг?

– Должно быть. Он с юга Селеворда, а там каждый второй эльфийский бастард.

– Зачем же губить такого сильного мага?

– Никто не хотел связываться с волчонком. Проще убить, чем приручить. Ну что? Будешь ждать старуху или выберешь из того что есть?

– Я возьму бастарда. Его хотя бы похоронят не в общей могиле. Как его казнили?

– Виселица, – палач широко зевнул. Давно пора в постель. Завтра тяжелый день.

Рано утром соседей знаменитой танцовщицы Шаши разбудил крик ее служанки, нашедшей хозяйку в петле, а ее охранника с кинжалом в животе.

Чуть позже к дому съехались дознаватели короля, а ближе к полудню прибыл он сам – невысокий, крепкого телосложения мужчина с ухоженной бородой и острым взглядом.

В столице шептались, что Хаюрб долго сидел над трупом любимой танцовщицы. И вроде даже кто-то из соседей видел, как он внимательно осматривал тело самоубийцы, предварительно приказав снять с нее золотые одежды. Потом для чего-то срезал со смоляных волос Шаши украшения в виде змеек и, проведя пальцем по мертвым губам, покинул двор.

И опять палача разбудили в полночь. На этот раз в черную накидку куталась Толстушка Зу, славящаяся в столице и за ее пределами завораживающим пением.

– Я бы хотела кое-что оставить от подруги на память, – вытерев сухие глаза платочком, прошептала она. – Ведь то, что в момент смерти находится на мертвце, достается вам? Платье там и всякие безделушки...

– Да, это так, – кивнул палач и втянул носом прекрасный аромат, который источала надушенная кожа певицы. – Для тебя, милая, все что захочешь.

Его рука бесцеремонно нырнула под накидку, показывая тем, что он совсем не любитель пения. Зу вскрикнула, когда ее тело впечталось в мощный торс мужчины. Почувствовав его возбуждение, певица неожиданно осознала, что и сама испытывает болезненное влечение к палачу. Ей потом будет стыдно, может быть, даже станет ругать себя последними словами, которым научилась от русских, а сейчас...

Зу отдавалась торопливо, прямо здесь, в темном коридоре, прижатая к холодной стене – столь велико было желание вернуть невзрачный амулет, который (а она это точно знала от

дознавателя) так и остался на шее мертвой Шаши. Да и кто на него польстится? Кто догадается, что под тонкой защитной пленкой скрываются драгоценные камни невиданной красоты?

Казим проводил расплатившуюся телом покупательницу в мертвецкую, где к ее ногам вывалил накопленное за месяц богатство. По заведенному в Хаюрбате порядку все, что находилось на человеке, умершем не своей смертью, принадлежало палачу. На каменном, не совсем чистом полу лежали эльфийские шелка и врадский жемчуг, золотые монисты из Кадии и плетеные кожаные обереги из Северных земель.

– Нет, мне нужна цепочка с шеи Шаши! Такая тоненькая, с небольшой подвеской.

– Да что же ты, милая, сразу не сказала? – сделанное изумление палача заставило сердце Зу сжаться. Она открывала рот, будто выброшенная на берег рыба. – Шашу сюда и не привозили...

– Тогда где?.. – горло Зу перехватило. Пухлая рука рванула душащие ленты накидки. – Где она сейчас?

– Где и положено, милая. На кладбище. Ее похоронили еще до заката. Если хочешь навещать подругу, бери левее королевской усыпальницы. Такая честь выпадает только за особые заслуги.

– А-а-а где все то, что было на ней?

– Король велел не трогать. Да и что там брать? Браслеты и кольца и у меня в изобилии. Выбирай какое хочешь. Показать?

И было то предложено с таким бархатом в голосе, что Толстушка Зу вняла проснувшемуся голосу разума и со всех ног кинулась прочь.

Глава 5. Граница не дремлет

Скрипели колеса небольшой телеги, которую тянул длинноухий ослик. Этот заунывный звук был слышен издали, поэтому застава ожила: к ней не спеша приближались путники – мальчишка лет тринадцати с перемазанным лицом и несуразный черный пес, плетущийся рядом с колесом. Сначала из земли, с весны не знающей дождя, показались островерхние побуревшее от пота и грязи шапки, отчего чудилось, что из нор повылазили жуки. Вскоре можно было различить и суровые лица пограничников, явно недовольных тем, что им пришлось выбираться из прохладного подземелья.

Жаркий ветер поднимал в небо мелкую пыль, бросал ее в глаза, прибывал к моментально вспотевшей голове волосы. Он будто соревновался со светилом в рвении сделать жизнь людей невыносимой – обжигал даже через одежду. Хотелось найти хоть какую-то тень, но откуда ей взяться на западных рубежах Хаюрбата? До моря далеко, до гор еще дальше. Кругом потрескавшаяся земля да гонимая ветром колючая трава, что сбивалась в легкие клубки. Глазу зацепиться не за что. Если только не брать в расчет одинокие врата, стоящие посреди плоской, как сухая лепешка, равнины. К ним и вела едва видимая колея.

– Куда? – пограничник брезгливо оглядели плохонькую одежду путника. Раздвоенный язык, на мгновение показавшийся изо рта воина, дал знать, что застава принадлежит оборотням из рода Змеи.

Мальчонка вжал голову в плечи и торопливо слез с повозки, собака же наоборот ответила громким лаем. Из щели в земле, откуда совсем недавно вылезли пограничники, тут же показалось жало стрелы, давая пришлому понять, что рука затаившегося воина не дрогнет.

– Дяденьки, будьте милосердны! Отпустите! Мне на ту сторону надо! – затараторил мальчишка, падая ниц.

– Зачем тебе туда? – носок пыльных сапог пнул под ребра, заставляя мальчика поднять голову. Одежда пограничников была такой же выцветшей, как и полуденное небо.

– Мой господин велел груз сдать и тут же вернуться. Вот и стреноживающий амулет навесил, чтобы далеко не ушел, – раб оттянул ворот рубахи. В шею больно впилась тонкая красная лента. Ярмо раба – действенное оружие против побега. Чем дальше от хозяина, тем сильнее затягивалась удавка. Еще день – другой в пути, и раб начнет задыхаться от боли.

– Что везешь? И кто твой господин? – пограничник с сединой в бороде, сдвинув шапку на затылок, оттер пот со лба. Второй, более молодой и ретивый, не дожидаясь ответа, рванул тряпье, что прикрывало груз. Рвотный позыв тут же заставил сложиться пополам.

– Что это? – седой воин, повывавший на границе всякое, сделал несколько шагов назад и закрыл нос рукавом. Над разбухшим трупом вились зеленые мухи.

– Последнее желание казненного. Казим-палач приказал останки в Шаму везти, на родину толстяка. Тут недалеко... хат Чижим, что на берегу Язуцы, – мальчишка поднялся на ноги и, стремясь как можно быстрее спрятать свою жуткую поклажу, накиннул ткань на труп. Острые лопатки раба проступали даже через задубевшую от пота рубаху. Тощий, чумазый, да еще с таким страшным попутчиком.

Назойливое жужжание мух и тошнотворный запах не делали службу приятнее.

– Казим-палач говоришь? – пограничник, не желая подходить ближе, подозрительно прищурил глаза. – Что-то я давно не слышал, чтобы он промахивался...

– В этот раз не повезло. Толстяк же, поэтому Казим-даг и не рассчитал. Вот если бы топором, а тут... – мальчишка склонил голову к плечу и вывалил язык, будто сам болтался на виселице. Потом грустно вздохнул. Еще бы! Хозяин не справился, а расхлебывать приходится ему, рабу.

Всякий в Хаюрбате знает, стоит оборваться веревке или случись чудо, и палач промахнется, приговоренному дается право загадать одно единственное желание. В живых все равно не оставят, но на палаче повиснет долг чести.

– Раздевайся догола, – скомандовал младший пограничник. Он едва оправился от приступа тошноты.

Собака, до сих пор благоразумно прячущаяся за колесом, предупреждающе зарычала. Ее шерсть на загривке встала дыбом.

Рука пограничника потянулась к кинжалу.

– Фу!!! К ноге, Рон! – испугался мальчишка. Его ломающийся голос сорвался на девчачий писк. Встретившись взглядом с вертикальными зрачками пограничника, раб побледнел и подхватил на руки пса, весящего чуть ли не столько же, сколько он сам. Торопливо, путаясь в словах, принялся объяснять: – Его нельзя трогать! Это собственность Казим-дага! Если с собакой что-то случится, мой господин никого не пощадит!

– Кончай болтать, не нужна нам твоя шавка, – пограничник зло сплюнул. Кому охота связываться с палачом? – Раздевайся.

Мальчишка, бережно усадив собаку в повозку, трясущимися то ли от страха, то ли от недавней тяжести руками взялся за завязки на рубахе.

– Теперь штаны. И амулеты все до одного скидывай, – рутинный, конечно, труд проверять каждого раба. Но мало ли... Лучше себя обезопасить, чем потом стоять и выслушивать, что упустили беглого. Они, рабы, особенно которые из других миров, никогда не оставляли надежды.

– Удавку, дядечки, никак снять не смогу. Вы же, наверное, знаете, что она только хозяину поддается! А кроме нее ничего из амулетов нет, – голый малец стыдливо сложил ладони под животом.

– А теперь спиной повернись. Наклонись, – сильный пинок заставил раба упасть лицом в пыль. Месть за перенесенные страдания доставила хоть какое-то удовольствие. – Все. Одевайся.

– Спасибо, господин, спасибо! – раб, щеки которого стали еще грязнее от размазанных слез, путался в чересчур широких штанах.

– Когда назад?

– Если не сдохну, то через два дня.

– Я буду ждать, – пообещал пограничник. Его раздвоенный язык лизнул воздух. Несмотря на стоящую вонь, мальчишка пах как-то особенно сладко.

Ворота распахнулись сами по себе.

Клубок колючей травы, гонимый ветром, поначалу скакал рядом с телегой, но стукнувшись о колесо, откатился в сторону, перепрыгнул через кочку и тут же ярко вспыхнул. Мальчишка вскрикнул от неожиданности. Если бы его не предупредили, ни за что не догадался бы, что от ворот тянутся невидимые нити охранной магии. Если юг Хаюрбата защищало море, а север пески, то границу с арахатом Шаму приходилось запирать колдовством.

Родина Толстушки Зу вроде и встретила таким же безрадостным пейзажем: иссушенной землей, слепящим светиллом и скачущим по кочкам перекасти поле, но дышалось здесь не в пример легче. Хотя отъехали от границы всего ничего, но казалось, что и ветер обжигал не так сильно, и небо переливалось перламутровой голубизной, а не лежало на плечах бесцветной пеленой.

– Ну все, можно расслабиться, – выдохнул мальчишка. От напряжения, ожидания окрика или даже выстрела, рубаха на его спине взмокла до поясницы. – Самое страшное позади. К вечеру доберемся до реки, а там и до эльфов недалеко.

Раб потрепал пса по голове. Тот, отвлекшись лишь на мгновение, чтобы обласкать взглядом своего спутника, продолжил смотреть на врата, которые как открылись, так и закрылись

сами по себе. Стража, убедившись, что повозка со страшным грузом благополучно миновала контрольную черту, по одному спустились под землю – в объятия прохлады.

Шамуйские пограничники прятались от жарких лучей Тариллы под навесом из пальмовых листьев. Раздетые до пояса массивные тела блестели от испарины. Бритые головы то и дело вытирались лоскутами ткани, иначе едкие капли пота грозили выесть глаза. Просторные штаны едва держались под объемными животами. Казалось, тронь завязку, и они упадут к ногам.

«Наверно, на этих горе-вояк и стрелы жалко. Дерни за веревочку, и шамуец сам запутается в одежде», – мальчишке трудно было представить, что грузный пограничник может кого-то преследовать. Он наверняка задохнется после первого же забега на десять метров. В то же время было понятно, почему хаюрдаги не особо жалуют шамуйцев и не превращают их в рабов: их просто не прокормить. Да и какой с толстяка толк? Неповоротливый, страдающий отдышкой.

– Куда? – спросил один из воинов, оборачиваясь на скрип колес. Он, прежде чем подняться, облизал каждый из пальцев. Жир тек аж до локтя. Остальные пограничники даже не оторвали глаз от огромного блюда, в котором в крепком бульоне плавали куски тонко раскатанного теста. Мелко порезанный лук, густо пересыпанный перцем, источал острый аромат.

– Хозяин за черным маслом послал, – мальчонка показал свернутую тугим рулоном грамотку с болтающейся на ленте сургучной печатью.

Арахат Шаму славился горючим маслом, которое добывалось и обрабатывалось секретным способом, ведомым только шамуйским магам. Источники черного золота находили и в Хаюрбате, но местное масло чадило, а то и взрывалось, что делало его непригодным для использования. Сколько ни искали в других мирах специалистов, так и не смогли приручить «черную смерть».

Не в пример обиженным судьбой соседям, шамуйские князьки, выручая огромные деньги, могли позволить себе предаваться праздности: на добыче подземного масла трудились рабы, доставляемые из Хаюрбата. Честный обмен и соблюдение договоренностей о невмешательстве позволило двум государствам сносно существовать. Поэтому было неудивительно, что пограничник вернулся к прерванной трапезе, не удосужившись взять грамотку в руки или хотя бы досмотреть повозку.

– Проваливай!

Отъехав на приличное расстояние и внимательно оглядевшись, нет ли кого на горизонте, малец перво-наперво рванул с шеи давящую красную ленту. Если бы она была настоящим стреноживающим амулетом, сейчас раб-самоубийца катался бы в удушье по земле. Но случилось совсем иное: изрядно поношенная рубашка вдруг затрещала по швам, едва вмещающая женские формы, а на спину упала растрепавшаяся коса. Поправив цепочку строна, Александра ободряюще улыбнулась Рону, виляющему в приступе радости хвостом.

– Правда, здорово придумала Сесилия? – перегнувшись, Саша откинула ткань, которой был укрыт мертвец, и достала откуда-то из глубин телеги полосатый халат, сшитый на восточный манер. – Как верно она рассчитала с хаюрдагами! Кто из них возьмется досматривать труп, который вот-вот лопнет из-за жары?

Вспоминая змеиные глаза пограничника, Александра передернула плечами. Знал бы воин, что нет никакого казненного, а перед ним лишь морок, созданный руками талантливой мастерицы. И тело, и тошнотворный запах, и даже мухи – всего лишь иллюзия. Пусть кратковременная, но выглядящая так натурально!

Сесилия сразу предупредила, что фокус удастся лишь раз. Сдернул бы дотошный пограничник саван повторно, и открылось бы, что нет в повозке никакого мертвеца. Тут и заинтересовался бы, а на самом ли деле мальчишка раб палача? Ух, о таком исходе и думать не хотелось. Хорошо, что день выдался жаркий... И опять умница Сесилия правильно подсказала –

ночью ехать не следует, лучше прибыть на границу в самое пекло, когда даже змеи уползают под камни.

Гаррон отвел глаза в сторону, когда Шаша скинула с себя потную рубашку и штаны. Хотя было на что посмотреть, честь лорда не позволила воспользоваться моментом.

– Искупаться бы, – вздохнула Александра, запахивая халат. Вытащенный из повозки легкий шарф оставил открытыми только глаза. Артефакторша поделилась одеждой, которая и без магии сделала бы любого человека безликим.

– В Шаму культ полной женщины, – поучала она, собирая подругу в дорогу. – Те, кому не повезло, считаются либо больными, либо непривлекательными. Поэтому ничего не бойся. Путь до Агрида будет дольше, чем через пески и Ури-цу, но зато не придется преодолевать перевал, где больше людей, а значит, больше глаз. Как бы ни был хорош морок, долго он не продержится.

– А если грим?

– А если тебя разденут и увидят метку Хаюрба? Как бы ты ее ни замазывала, от пограничников скрыть не получится. А вот морок взгляд отведет.

– Неужели пограничников можно так легко провести?

– Почему легко? Они обязательно сдернут с тебя все амулеты, чтобы посмотреть, что ты представляешь из себя на самом деле.

– А как же строн? Он же не снимается!

– Вот поэтому ты и превратишься в мальчишку, у которого на шее стреноживающая лента. Ее никто кроме хозяина развязать не может. И пытаться не станут. А мы под ней как раз и спрячем твой строн, – Сесилия, порывшись в сундуке, достала красную ткань и удалилась за ширму. Артефакторша никогда не показывала, как превращает простые вещи в магические.

– Но долго удавку на себе не держи, – крикнула она оттуда. – Как только минувешь границу, сними. Иллюзия – иллюзией, а душить на самом деле начнет. А иначе не поверят.

– А какое дело у раба в Шаму? – Александра почувствовала, как неприятно пахнуло кровью из бочки, куда Сесилия слила из котелка воду. Мокрая лента, оставшаяся на дне посуды, казалась свернувшейся в кольцо змеей.

– Прескверное дело, – на столешницу лег ворох тканей. Артефакторша выбрала самый широкий лоскут и вытащила из-под стола котел раз в пять больше первого.

В этот раз из бочки, куда слили воду, пахнуло мертвечиной. Пес, перекрашенный в черный цвет, громко чихнул.

Уже прощаясь, Саша опять засомневалась.

– Почему именно Агрид? Разве у эльфов не безопаснее? Поселилась бы в каком-нибудь небольшом лесном селении, что ближе к Селеворду, и носу оттуда не высывала бы. Вы не смотрите, что я кажусь белоручкой, бабушка меня многому научила. Я бы такие торты пекла... Ой, я даже могла бы сдобную лавку открыть!

– Думаешь, эльфы лучше агридцев? Они те еще гордецы. Хоть не обидят, но за свою никогда не признают.

Саша тут же вспомнила контрабандиста, который даже при ней, отваливающей кучу денег, задирает нос. А сам ведь самый настоящий предатель.

– И потом, – Сесилия запикивала в переполненную корзину бутыл с водой, – затеряться проще в многолюдном месте. А это город. В столице Эльфийского княжества ты будешь как на ладони, а вот Агардар вполне подошел бы.

– Но язык? Я совсем не знаю агридского!

– А эльфийский знаешь? Нет? – Сесилия вытряхнула содержимое корзины и принялась укладывать заново, перво-наперво сунув бутыл.

– А может, пойдете со мной? – Александра откровенно трусила. – Что вас здесь держит? А там родина.

– Нет, милая. Нет, – Сесилия, почувствовав страх Саши, оставила корзину и по-матерински обняла девочку. Ее сердце билось часто-часто. – Я уже привыкла к жизни в Хаюрбате. Здесь мое место. На вот, держи, – она вложила в ладонь Александры массивное мужское кольцо. – Как доберешься до Агардара, покажешь его моей дальней родственнице. Запомни, леди Дафой, бульвар Роз, три. Правда, не знаю, жива ли? Ну все, ступай! Пусть Пресветлая дева тебя хранит.

Она прижала пальцы ко лбу, а потом трижды их поцеловала.

Глава 6. Неожиданные встречи

Повозка Александры застряла на развилке дорог. Ее остановил затор из телег, мешающих продвинуться даже на шаг. Саша слабо ориентировалась в Шаму и не имела под рукой карты (Сесилией было велено держаться реки Язуцы, которая выведет к эльфам), но то, что процессия, ползущая змеей поперек пути, направляется в сторону столицы арахата, догадаться было несложно. Оглушающе басили трубы, визжали мелкие духовые инструменты – это с упоением надрывались пешие музыканты. Им выпала сомнительная честь возглавлять караван, состоящий в основном из огромных животных, отдаленно похожих на слонов, которые, в отличие от гарцующих лошадей, шли преисполненные собственного величия. На их шишкастых головах сидели погонщики, а из искусно выполненных беседок, закрепленных на спинах гигантов, приветственно махали руками, кидали в собравшуюся толпу цветы и сладости, или просто дремали, устав от длительного пути, первые красавицы арахата.

– К Саехиру Щедрому едут. Он отбор объявил, – раздался рядом скрежещущий голос. Александра обернулась и увидела старушку, чьи волосы, вопреки обычаям, коим следуют женщины в годах, не были собраны, а редкими космами рассыпались по плечам. Ветер теребил крученую прядь и кидал в лицо, но незнакомка этого будто не замечала – спокойно набивала трубку сушеной травой. – Вон та победит.

Костлявый палец указал на «невесту», активно жующую сочное яблоко. Даже отсюда было видно, как брызгается сок.

– Откуда вы знаете? – не то, чтобы Александру сжигало любопытство – невест местного царя она видела в первый и последний раз, и все они в своей непомерной полноте казались похожими, но категоричность тона старухи заинтересовала.

Та сунула мундштук в рот и активно задвигала губами, заставляя табак закуриться. Выпустив душистую струю дыма вверх, странно одетая женщина (а ее наряд трудно было назвать элегантным: многоцветье юбок спорило с красками гремящих при каждом движении бус) широко улыбнулась, явив пеньки пожелтевших зубов.

– Она больше всех весит. Посмотри, с каким трудом ступает ее каргур, а ведь погонщик тот еще дохляк. Саехир ее оценит.

Между тем претендентка на руку шамуйского царя, покончив с яблоками, взялась за куриную ногу. И если соперницы горстями бросали на головы собравшихся зрителей розовые лепестки, то для этой мир сузился до корзинки, стоящей у нее в ногах.

– Она же долго не проживет, – Саше было жаль юную девушку, которую раскормили до невероятных размеров.

– Зато сейчас она в цене. Уйдет одна, на смену придет другая. Саехир не будет долго горевать.

– Меня бы страшило такое будущее...

– Счастье, что не все мы ведаем дороги судьбы. Ступаем от точки до точки и не задумываемся, где оборвется многоточие. Ну все, последний каргур пошел. Вот эту невесту как раз и стоит пожалеть.

– Потому что она последняя?

– Нет, – старуха выбила прогоревший табак из трубки – время передышки закончилось, – потому что она умирает. Видишь синеву вокруг губ?

– Сердце?

– Ее отравили. Всюду свои игры.

В подтверждение слов старухи невеста повалилась на бок и закатила глаза. Ни дремлющий погонщик, ни расходящиеся по повозкам путники не обратили внимания на обмякшую вдруг фигуру.

– Подождите! – Саша беспомощно обернулась на удаляющуюся собеседницу. – Может быть, девушке можно помочь? Наверняка в караване есть лекарь.

– Ты сначала себе помоги, а душа этой уже пьет мертвую воду из колодца предков, – немного подумав, старуха добавила: – Никому не показывай свой дар, иначе и тебя ждет смерть.

– Дар? А какой у меня дар? – Александра, забыв об отравленной невесте, кинулась вслед за пророчицей, разглядевшей магию, о которой сама носительница ничего не знала.

– Не ходи в Агрид, – бросила старуха, забираясь в кибитку, где уже сидели ее спутники – все как на подбор черноглазые и черноволосые и в такой же разноцветной одежде.

– А... куда же мне тогда идти? – растерялась Саша, но ей не ответили. Смуглый мужчина с серьгой в ухе залихватски свистнул и стегнул кнутом лошадей. Повозка тронулась, подняв в воздух клубы пыли.

– Поостерегись! – Александру едва не сбила таратайка. Сидящий в ней парень белозубо улыбался. – Чего стоишь, разинув рот? Хочешь подвезу? – он придержал скакуна, рвущегося вдогонку за своими.

– А кто это был? – спросила Саша, отступая в сторону. Она провожала взглядом крытую телегу, увозящую старуху. И зачем вообще ее слушала? Зародила зерно сомнения и укатила, а ты теперь живи как хочешь.

– Разве ты не узнала Маниру, мать всех вуфян? Эх, девка, да за один ее совет коня с упряжью дают, а она просто так с тобой балакала.

– Да что балакала-то?! – «девка» едва не плакала. – В Агрид не ходи, там смерть? А куда идти-то?

– Живи своим умом, дура! – крикнули сзади, и Александре пришлось прыгать в канаву. Ее опять едва не задавили. Действительно, дура, стоит посреди дороги деревянным истуканом.

Когда пыль развеялась и все грохочущие повозки разъехались по четырем сторонам, а бывшая класиса наконец-то без риска для жизни выбралась из канавы, ее встретил упрекающий взгляд пса. Она совсем о нем забыла. А он нес службу, что было заметно по следу обуви на черном боку да разрезанной упряжи осла. Пока хозяйка глазела на толстущек, животину чуть не увели. А она даже не слышала лая.

«Чертовы трубы!»

Ночь застала путешественников на берегу реки. Саша развела костер, подвесила на треногу котелок, куда закинула пару картофелин и вяленое мясо, запасенные доброй Сесилией. В ожидании ужина обняла ноги и уставилась на прыгающее пламя. Холодом по спине прошлись тягостные воспоминания. Вот так же сидела она у костра с Даней, верным другом, погибшим по ее глупости. Александра застонала в голос, заставив всполошиться своего спутника. Барбос сел рядом и участливо заглянул в глаза.

– Рон! Славный ты пес! – она протянула руку и потрепала длинное ухо собаки. – А я плохая. Никогда, слышишь, никогда себе не прошу, что подставила Даньку. Тоже мне, спасительница! Привыкла, что девчонки с Земли мечтают домой вернуться. А тут... Может быть, у этой Марии на родине жизнь была несладкой, а в гареме и кормили, и поили. Ребеночка хаярдагу родила бы и была бы тем счастлива...

Саша уткнулась лбом в колени, стыдясь злых слез.

Сейчас, когда Эльфийское княжество находилось в двух днях пути, и можно было не бояться, что тебя обнаружат и вновь превратят в рабыню, навалилась смертельная тоска. Ничего не исправить, ничего не изменить. И время вспять не повернуть.

Вода в котелке выкипела, поэтому мясо, подгоревшее с одного бока, досталось лишь псу. Сама Саша легла голодной. Да и не полез бы в горло кусок. Она долго всхлипывала во сне, скрутившись в повозке и прижав притихшую собаку к себе.

Гаррон тоже слышал последние слова вуфянки и теперь раздумывал, что бы они значили. Не он ли станет причиной смерти Шаши? Рано или поздно границу Агрида им при-

дется перейти, не век же Цессиру-младшему оставаться в шкуре перекрашенной собаки? А значит, танцовщица обречена – еще не было случая, чтобы Манира ошибалась. Добровольно или силой, но носительница родового амулета будет доставлена в Агардар. Меняющие лики никогда не позволят, чтобы их строн затерялся где-то в эльфийских лесах.

– Что везем?

Река привела Александру к восточному пограничному посту Эльфийского княжества.

– Ткани из Брада и Шаму, – на этот раз Саша надела платье, пошитое на эльфийский манер – перехваченное под грудью атласными лентами и с кружевами по вырезу, собрала волосы в высокий хвост. Она не сразу выехала к мосту, а пригляделась к спующим туда и обратно женщинам, чтобы не выглядеть как белая ворона и не привлекать лишнего внимания.

Не получилось. Стоящая недалеко от моста компания мужчин субтильного эльфийского телосложения, среди которых той самой вороной выделялся здоровяк с копной черных вьющихся волос, развернулась в ее сторону.

«И чего глазают?»

– Смотри, какой уродец! – воскликнул один из эльфов, кивая на застывшего на облучке повозки пса.

Гаррон не дышал. Он сразу узнал лорда Ханнора, по невесть каким делам забредшего так далеко от родового замка. Рядом с ним в намеренно скромном облачении, пытаясь таким образом скрыть принадлежность к правящему дому, стоял эльфийский княжич. Остальные Гаррону были не знакомы, но скорее всего входили в состав неременной для наследника свиты. Беда детей всех царствующих особ – они никогда не остаются в одиночестве.

– Я думал, ты об осле, – лорд Ханнор подошел ближе, чтобы рассмотреть странного пса. Рон сжался. Он вообще нырнул бы на дно телеги, боясь, что каким-то чудом родственник его узнает, а потом будет припоминать казус, называя то «милой собачкой», то «шелудивым псом», что будет зависеть от его настроения. Но и трусом казаться совсем не хотелось – в этом случае мнение эльфов и Изегера Цессира-младшего волновало меньше всего. Как ни странно, Гаррон даже в собачьем обличье не желал в глазах Шаши выглядеть жалким.

– Нет, Изегер! У этого уши побольше! – княжич бесцеремонно ухватил Рона за край бесконечно большого лопуха и потянул вверх. Эльфы дружно засмеялись.

– Вы пса продаете? – поинтересовался лорд Ханнор, не глядя на девушку. Создавалось впечатление, что он вообще не видел, с кем разговаривает. – Моей жене он понравился бы. Забавный.

– Мне он тоже нравится, – Александра вздернула нос. – И уши его нравятся, и хвост. И короткие лапы, над которыми вы сейчас смеетесь. Потому что он, в отличие от вас, мой друг.

– Я не смеюсь, – Изегер, наконец, обратил внимание на собеседницу. – Я вообще очень серьезный человек.

– Они смеются, – Саша мстительно показала пальцем на покатывающиеся от смеха эльфов. Рон пытался выдернуть лапу из цепких пальцев одного из фаворитов княжича. Потерпев неудачу, Цессир-младший полностью положился на вспыхнувшие собачьи инстинкты и больно цапнул весельчака за руку, несмотря на то, что та очень знакомо пахла.

– Ах ты, скотина! – эльф наотмашь ударил пса. Субтильность оказалась обманчивой. – Рон перекувыркнулся через край телеги и плюхнулся на доски моста. Но противник не удовлетворился – последовал пинок, отправивший собаку в реку.

– Сволочи! – выкрикнула Саша и, ни минуты не раздумывая, забралась на перила моста. Благо физическая подготовка позволяла действовать быстро. Александра жутко боялась потерять пса из вида.

– Стой! Куда?! – только и услышала она голос здоровяка, когда спрыгнула в реку. Вода накрыла ее с головой.

– Сумасшедшая! – чернявый, отплевываясь от воды, волок на берег девицу, которая прижимала к себе едва живого пса. – А если бы я не успел?

– С-спасибо, дядечка... – вода оказалась ледяной, и теперь у Саши зуб не попадал на зуб. Она не поняла, как спаситель оказался впереди нее. Под водой что ли плыл?

– Какой я тебе дядечка? Лорды мы. И обращаться к нам следует сообразно. Вашество.

– С-спасибо, Вашество.

Берег принял всех троих. Песок уже согрелся под лучами полуденного солнца. Пришедшая в себя собака подползла к лорду и благодарно лизнула в щеку.

– Фу! Бестолочь! – отмахнулся Изегер от родственника.

– И долго вы тут будете валяться? – княжич ломился через кусты. За ним подтянулись и остальные.

– Не трогай их, пусть отдохнут, – лорд Ханнор поднялся и принялся стягивать с себя набрякший от воды камзол. – Ягудова бездна! Джулия меня прибьет.

– А ты здоров по порталам прыгать. Так мог и в омут угодить, здесь их полно.

– Потому и прыгнул.

– Смотри-ка, а пес-то цвет поменял! – фаворит, баюкая перевязанную платком руку, не стал подходить ближе. – И зачем это его перекра...

Договорить он не успел. Немалый кулак лорда Ханнора отправил франта в воду. Заводь, поросшая камышом, ласково приняла подношение в свое лоно. Лягушки брызнули в разные стороны.

– Вас проводить? – Изегер протянул руку севшей девушке.

«Не стоит валяться, когда вокруг одни мужчины», – рассудила Саша.

– Нет, Вашество. Мы как-нибудь сами. Без вас наверняка целее будем...

– А может ко мне в замок махнем? – не унимался лорд. – Тут порталами недалеко.

– Изегер, фи, – скривился княжич. – Что скажет Джулия? Я слышал, она на нашей ярмарке большую сковороду прикупила.

Саша торопливо уходила, радуясь тому, что от нее отстали. Эльфы выбрали новую жертву насмешек – из заводи выбрался сияющий на пол-лица багровым синяком фаворит.

А Гаррон жалел, что княжич напомнил Изегеру о сковороде. Так, глядишь, быстрее оказались бы в Агриде. Устал он от собачьей шкуры. И нехорошо как-то, что Шаша все время носит его на руках. Вроде бы мужу положено иначе себя вести.

Только вновь оказавшись на мосту, где у пограничного поста ее терпеливо дожидался ослик, Александра осознала, что понимала все до последнего слова, произнесенного эльфами и тем черноволосым здоровяком. А ведь они говорили на незнакомом ей языке.

«Боже! Да и я ведь отвечала, и люди меня понимали!»

Осознание уникальности происходящего увело ее еще дальше: она вспомнила, что на перекрестке прекрасно разобрала окрик «Живи своим умом, дура!», но оглушенная предсказанием матери всех вуфян не обратила на появившуюся в ней особенность внимания.

«Просыпается дар! – Саша сделал вывод и моментально успокоилась. – Я из рода Полиглов!»

Глава 7. Леди Дафой

Как и предполагала Сесилия, те отрезки, что она дала Шаше с собой, на приграничной ярмарке разошлись влет. Пришлось расстаться и с осликом, имя которому хозяйка так и не дала. Как подсказали торговки, делившие с Сашей один прилавок, быстрее всего до Агрида можно было добраться по реке Коупалли, что как раз вывела бы к агридскому пограничному посту. Да, Саша не вняла предостережениям старухи – матери всех вуфян, как назвал ее парень на перекрестке. В первую очередь она руководствовалась наставлениями Сесилии, не желавшей своей подруге зла. Немаловажную роль в выборе пути сыграл перстень – его следовало предъявить в Агардаре. Хоть какая-то зацепка в чужом мире. Остаться у эльфов после того, как они проявили душевную черствость, а некоторые особо злобные экземпляры и жестокость, Александра не желала.

Пес, слушая ее рассуждения, одобрительно махал хвостом.

Корабль, на палубу которого взойшла Александра, показался ей основательным. Такой ни за что не уместился бы меж берегов шамуйской Язуцы. Против реки Коупалли, огибающей эльфийское поселение по западной стороне, она казалась канавой, заполненной водой.

Ожидание, что вся команда будет сплошь состоять из эльфов, не оправдалось. За весла сели здоровяки, похожие на того, кто хотел купить пса. Капитан был лыс и рыжебород. Побитое ветром лицо не внушало доверия, но Сашу сразу предупредили, что путешествовать с ним не опасно. Дома его ждала пампушка-жена и девятеро детей. «Кто любит своих чад, редко обидит чужое. Его старшая дочь тебе ровесница», – делились наставлениями кумушки. Со словоохотливыми женщинами Александра провела на ярмарке бок о бок целый день. Они тоже не были эльфийками: шамуянки, агридки, парочка из Селеворда. Видимо, торговое дело и работа на реке унижали достоинство горделивого эльфийского народа. Сейчас Саша была этому рада. Вот так одна встреча может испортить все впечатление о целой нации.

– Поднапрягись! – зычно крикнул капитан, и рассевшиеся по местам гребцы опустили весла в воду. – Запевай!

Хор мужчин неожиданно слаженно запел, соразмеряя ритм нехитрой мелодии с гребками.

– Э-э ух, помилуй река!

Э-э ух, донеси до града!

Э-э ух, не забудем тебя!

Ждет в конце пути награда!

– А какая награда ждет реку? – не могла не спросить Саша. Мало ли? Народ в этом мире по большей части дремуч, цивилизацией не тронутый, вдруг вздумает страшную жертву принести?

– Девственницу реке подарим, – ответил капитан, ничуть не меняясь в лице. И с таким же серьезным выражением осмотрел пассажиров. Некоторые из девиц напряглись и прижали свои узелки к груди. – Может быть, даже выберем из числа тех, кто на борту.

– Тогда я могу быть спокойна, – махнула рукой Александра. Со стороны гребцов послышался одобрительный смех.

В конце пути на воду спустили венки. В их центре установили деревянные площадки с горящими свечами.

– В память о тех, кого Коупалли не пощадила, – объяснил капитан. Саша с удовольствием помогала плести эти венки. На последней стоянке гребцы вернулись с охапками полевых цветов и бросили их к ногам пассажиров.

– Куда теперь? – спросила она, прощаясь с рыжебородым, оказавшимся тем еще весельчаком.

– Мы через пару деньков назад – жену надо бы проведать, она у меня на сносях, а тебе держать путь в ту сторону. Там Коупалли делает поворот. На пристани наймешь лодку, только сразу скажи, что тебе не надо на остров фей, а то завезут в бордель.

Рон всей душой желал обратного. Ему нужно было в бордель, который принадлежал его отцу. Может статься, что лорд Цессир как раз нагрянул туда с инспекцией, а встреча с отцом нужна была как никогда. Только посвященные знали, что «феи» работают на его ведомство. Они умело развязывали языки любому, кто придет в их дом. Ни одна разведка Мироздания не обходилась без подобного женского участия. Однажды на Земле Гаррон сам чуть не прокололся, попав под чары незнакомки, как потом выяснилось, специально подсаженной к нему. Насилу вырвался. С тех пор под собственной внешностью он туда ни ногой.

Гаррон не ошибся. Отец сидел во встречной лодке. Но как пес ни лаял, едва удерживаемый недоумевающей Шашей, лорд Цессир внимания на него не обратил.

Денег, вырученных за ткани и осла, едва хватило, чтобы добраться до столицы Агрида: кошелек заметно полегчал, когда пришлось на одной из остановок корабля купить теплый плащ. Королевство находилось в более холодном климатическом поясе, хотя и здесь всю властвовала весна.

До бульвара Роз Саша наняла экипаж, предварительно основательно поторговавшись с кучером, проявившим недовольство ее скарденостью.

– Приехали! – крикнул он три квартала спустя, не понимая, отчего его пассажирка словно приросла к месту. А Александра не решалась выйти только потому, что дом, перед которым они остановились, оказался неожиданно огромным и больше напоминал дворец, чем «гнездышко» леди Дафой. – Ну, чего медлишь?

– Вы не ошиблись? Бульвар Роз, три?

Кучер удрученно помахал головой. Пришлось спускаться. Пес уверенно тянул к главному входу.

– Здравствуйте! Я могу увидеть леди Дафой?

Дверь открыл старик. Заметив, что в его дом пожаловала молодая гостья, он попытался расправить плечи. Получилось плохо, но Саша оценила старания мужчины и мило улыбнулась.

– Если в вас живет магия, то да, вы можете увидеть леди Дафой, – с достоинством ответил слуга в достаточно потрепанной, но чистой ливрее. Было заметно, что за одеждой ухаживали и любовно штопали наиболее ветхие места.

– Я... мне... – Саша жалела, что не вызнала у Сесилии особенности агридской жизни, иначе не чувствовала бы себя так неловко.

– Леди Дафой уже два года как умерла, – пришел на помощь старик. – Но вас с удовольствием встретит ее Тень.

Александра не поняла, о ком говорит слуга, но все же пошла за ним. Тот едва шаркал ногами. Перед широкой лестницей, ведущей на второй этаж особняка, остановился и схватился за сердце.

– Туда уж сами, – увидев, что гостья замялась, поспешил успокоить. – Дафой будет рада. Одиночество, знаете ли... И скверный характер. Ее Тень теперь любому гостю рада.

– Гость? В нашем доме гость? Ну что же ты медлишь, Тиш, веди его сюда! – на самой верхушке лестницы появилось нечто прозрачное. Лучи солнца, падающие из круглого окна, стилизованного под розу, пробивали Тень насквозь.

– П-п-привидение? – Саша убрала ногу, которую уже занесла над первой ступенью, оббитой ковровой дорожкой. Старик развел руками.

– Как же я не догадался?.. Вы, должно быть, нездешняя? У нас их называют Тенями. А привидения, знаете ли, более низменные существа.

– Я вижу Тень...

– Тень видит всякий, кто обладает даром, – улыбнулся слуга, нечаянно подтвердив слова Сесилии. – Можно сказать, это у наших лордов вторая жизнь.

– Как ты посмел назвать меня «это»? – взвизгнула мнущаяся на верхней ступеньке Тень. Такая же полупрозрачная туфелька, украшенная легкомысленным пушком, просвистела мимо носа старика.

– Я же говорю, скверный характер.

– Ну что же вы, милочка, стоите! Поднимайтесь сюда. Здесь более приватная обстановка. Тиш не может одолеть лестницу, поэтому подслушивать не станет.

– Больно надо, – буркнул старик, и уже обращаясь к Саше добавил: – Пойду сделаю вам лимонад. Вы с дороги... А собаку лучше оставить здесь.

– А можно с собой. Мне с Роном как-то спокойнее.

– Можно-можно, – откликнулась леди Дафой. – Что сумеет подслушать обыкновенный пес?

«Зря я жалуясь на судьбу, – в который раз порадовался Гаррон. – Собачья шкура – отличное решение для шпионской деятельности. Вот только как бы не остаться в ней навсегда. Кому пригодятся мои знания, если я пары слов сказать не могу?»

Комната, куда привела Тень Сашу, оказалась спальней, но такой пыльной, словно в ней не убрали со дня смерти хозяйки. На прикроватной тумбочке лежало множество склянок, одна из них опрокинулась и оставила зеленые подтеки на светлом дереве.

– Не обращай внимания! – леди Дафой села в кресло у окна. Царственным жестом она указала на стоящее напротив. – Тиш совсем развалюха. Едва может прокормить себя.

– Вы ограничены в средствах?

Обстановка прямо-таки кричала об обратном: шелковые обои из Шаму, кадийские ковры, мебель из дорогого дерева, а люстра и светильники стоили столько, сколько Шаша не заработала за все годы пребывания в Хаюрбате.

– Пф-ф! Мы ограничены в общении, но не в средствах. Противный Тиш специально не нанимает прислугу, чтобы грязь вытолкнула меня вниз. И сам ходит оборванцем, чтобы мне стало стыдно!

– Почему же он так жесток с вами? – мягкое кресло буквально поглотило Сашу, и теперь она сомневалась, сможет ли из него выбраться.

– Понимаешь ли, милочка... А, кстати, как тебя зовут?

– Алекс, – такое имя она впервые применила на корабле. Вроде и не сильно отличается от настоящего, но в то же время его произносить легче, и уж вообще не созвучно с Шашей. Имя танцовщицы нельзя было применять категорически. Не дай небеса, кто-нибудь донесет до ушей Хаюрба, что где-то в Агардаре появилась новая Шаша. Тогда весь их с Сесилией план насмарку.

– Скажу тебе по секрету, Алекс, я боюсь... Смерть застала меня не в лучшем состоянии, – леди Дафой повернула лицо к окну, и Саша разглядела темные круги под глазами и сеточку полопавшихся капилляров. – Я не успела подготовиться. Нет, Тенью жить хорошо, но мы навсегда остаемся такими, какими были в момент смерти. А мне ужасно не хочется показываться в обществе в плачевном состоянии. Вот и сижу в захлавленной комнате.

Дверцы огромного гардероба были распахнуты настежь, и из них вывалился на пол ворох весьма дорогой одежды.

– А переодеться вы можете? – Саша сочувствовала женщине. Ее ночная рубашка была несвежей, в пятнах.

– Ах, это пожалуйста. Конкретно вещи из гардероба я надеть не смогу, но те, что остались в моей памяти, вполне. Сейчас! – старушка проворно нырнула в шкаф и через некоторое время

выбралась оттуда в легком платье с горжеткой на шее. – Муж подарил, – она нежно погладила мех.

– А нет ли у вас чего-то вроде вуали?

– Нет, – леди Дафой поняла, на что намекает гостя. – Но у меня есть прозрачный шарф. В мои года было принято накидывать на голову невесты палантин.

Еще немного шебаршения в гардеробе, и на свет была извлечена огромная фата.

– Вот бы от нее кусочек отрезать, а потом красиво расчесать волосы и под заколку прицепить вуаль. Не длинную, только до губ. Наша же цель закрыть глаза и щеки? Остальное смотрится вполне достойно.

– О, это можно! – в руках леди Дафой появились полупрозрачные ножницы, близнецы тем, что лежали на туалетном столике. – Так хватит? – примерилась она.

– Вот так будет хорошо!

Когда две дамы спустились на первый этаж, Тиш едва не потерял сознание. Поднос с лимонадом мелко задрожал в его руках.

– Ах, Дафой! Ты прекрасна как никогда!

Хозяйка особняка зарделась, а от Саши не скрылось, что старик допустил фамильярность. И почудилось, что вовсе не общества, могущего осудить ее за «неправильный» вид, боялась леди Дафой, а того, кого она ласково называет Тиш.

Уже позже, когда был выпит лимонад и съедено тушеное в вине мясо, и когда женщины вновь удалились для приватной беседы на второй этаж, Саша не удержалась, чтобы не спросить:

– Я слышала, в Агриде есть омолаживающие зерна саара, почему же вы не купили их, раз так важно выглядеть привлекательной, даже будучи Тенью? Я знаю, что они очень дорогие, но... – она повела рукой, указывая на богатство, окружающее их.

– Почему не купила? У меня и до сих пор в тайном ящичке лежит целых три, но... – последовала та же многозначительная пауза, – Тиш не маг, а поэтому зерна ему не помогли бы. Я сама не стала принимать их, поскольку не желала увидеть его смерть. Мы были вместе двадцать пять лет. Конечно после того, как умер мой муж. Слава Шаагилю, его расточительство не позволило накопить магию и стать Тенью. Не делай такие большие глаза, милая! Тебе когда-нибудь доводилось спать с нелюбимым мужчиной?

– Доводилось...

– Тогда ты должна меня понять. А Тиш... Тиш был простым слугой, но в нем было столько нежности и любви, что нам хватило ее запаса до самой моей смерти, – она вытерла платочком слезу. – Я заранее обеспокоилась, чтобы мы могли быть вместе даже после того, как я стану Тенью. Заказала ему амулет... Ведь простолюдинам не дано видеть наш потусторонний образ. Но кто же знал, что я не успею припудрить нос и накрасить губы? – Леди Дафой выдохнула. – Ну все! Хватит обо мне. Теперь рассказывай ты. Что тебя привело в мой дом?

– Я ищу защиты, – Саша извлекла из кармана платья кольцо Сесилии. Леди Дафой поменялась в лице.

– Откуда у тебя родовой перстень моего мужа?

– Мне его дали, чтобы я обрела ваше покровительство. Он тоже магический? – Саша не удивилась бы, если бы это было так. В последнее время все, что начиналось со слова «родовое», так или иначе было связано с магией.

– Нет. Если он и несет магию, то совсем другого рода, – леди Дафой взяла перстень из рук Александры и надавила на какую-то вязь в его узоре. Откинулась крышка, явив самую настоящую печать. – Деньги – это тоже магия. Без печати рода они закрыты для наследников. Нет, все что ты видишь, куплено не на деньги лорда Дафоя, а из моего приданого, поэтому я не осталась нищей. Он, как бы сказать, был слишком азартен и вечно впутывался во всякие

авантюры. Последняя довела его до смерти. Я просто уверена в этом. Твое кольцо как весточка с того света.

– А как же оно оказалось у Сесилии? И кем она вам приходится? – лучше бы Саша не спрашивала. Если бы леди Дафой уже не была мертва, сейчас бы ее точно хватил удар. Она хватала ртом воздух и держалась за сердце. Лицо ее, и так не сильно выделяющееся красками, побледнело.

– Сесилия из рода Творящих миражи?! Она жива?!

Определение очень походило на правду, поэтому Александра кивнула.

– Это сноха моего мужа, – леди Дафой отдышалась. – Я у него вторая жена. Первая умерла в родах, оставив ему наследника. Сесилия и Краст пропали сразу после смерти лорда Дафоя, и вот уже более двадцати лет от них нет никаких известий. Как они? Где живут?

– Я не видела Краста Дафоя. Сесилия сказала, что он давно умер. А она сама живет в другой стране, мы случайно встретились в... м-м-м... Эльфийском княжестве, и она, узнав, что я направляюсь в Агрид, передала вам весточку, – Саша не хотела открываться, в какой стране танцовщица Шаша познакомилась с Сесилией. Это могло быть опасно как для нее, так и для самой артефакторши. – Леди Дафой, мне нужна надежная защита. Мой бывший муж преследует меня. Он весьма влиятельное лицо в своем королевстве, и я опасаюсь за свою жизнь. Сесилия уверяла, что вы сможете мне помочь...

«Как ладно врет, – пес лежал под креслом и внимательно слушал разговор двух женщин. – Дафой, Дафой, Дафой... Знакомое имя, надо бы поговорить с отцом».

Глава 8. Теперь я первоклашка...

– Дочка, а откуда ты так хорошо знаешь агридский, если впервые в нашем королевстве? – леди Дафой заинтересовала присланная Сесилией девочка. Сама жертва несчастного замужества, она сочувствовала Алекс, жизнь которой, по сути, только начиналась. Сейчас, разговаривая с ней, она перебирала в уме варианты, где можно было бы спрятать беглянку. Последовавший ответ и определил судьбу гостьи.

– Возможно, я из рода Полиглотов. Есть такой? Ведь меня выкрали еще ребенком. Мне достаточно услышать язык, как я его понимаю. Я уже говорю на эльфийском, шаму, а вот теперь и на агридском.

«Зад вахруницы! – выругался Гаррон. – Это же начал действовать мой родовой амулет! Меняющие лики всегда перенимали язык носителя. Ягудова бездна! Совсем не думал, что строн под Упырем сможет делиться магией!»

Кроме терзаний по поводу стовора женщин и проделок строна, Цессир-младший прикидывал, как бы половчее сбежать. Пора наведаться в отчий дом. Но оставлять шпионку из Песчаного Хаюрбата без присмотра он тоже не мог. Эта раздвоенность нервировала и заставляла шерсть на загривке стоять дыбом.

– Тиш! Тиш! – леди Дафой слетела с лестницы, словно прыткая девица, и едва не столкнулась со спешащим на ее зов стариком. – Собирайся. Возьми карету, иначе ты не доплетешься до нужного места и за день.

– Что на этот раз прикажете, леди Дафой? – Тиш склонил голову. – Служанок, чтобы прибраться в ваших покоях, я уже нанял.

– Забудь о хламе. У тебя весьма ответственное задание. Ты едешь в магическую академию! Узнай, пожалуйста, не закрыт ли еще набор?

– Но, миледи, на дворе весна. Какой набор?

– Я сказала, значит, делай. Вот тебе записка, – Саша видела, что покровительница что-то быстро писала, но не предполагала, что это было послание в магическую академию. Ее сердце сжалось от нехороших предчувствий. На Земле она только-только окончила школу, и ее похитил Хаюрб, за шесть лет растерялись и те немногие знания, что дает среднее образование, а тут академия. Опозориться совсем не хотелось, поэтому она схватила за руку чересчур активную Тень.

– А может, не надо никаких академий?

– Милочка, это единственное место, куда не сунется ни один муж, – Тень похлопала Сашу по ладони. Гаррон мстительно улыбнулся. Насколько позволила его собачья пасть.

– А теперь, дорогуша, мы превратим тебя в человека, – Тень потянула Сашу за собой.

«О, эти женщины!» – вздохнул пес, понимая, что превращение в человека займет немало времени, и шмыгнул за дверь, стараясь бежать со всех лап. У него было два важных дела: попасть к отцу и вновь стать сыном, а не приبلудным псом, и успеть в академию, где будет решаться судьба Александры. По тому, насколько медлителен был Тиш, а коридоры родного учебного заведения запутанны и длинны, он должен был успеть.

– Милорд!

– Да, Пастис, – лорд Цессир сидел за письменным столом. Сигнальный огонек, вспыхивающий всякий раз, стоило кому-либо появиться у двери кабинета, уже успел надоесть – так долго топтался у порога слуга.

– Собака воеет битый час.

– Так гоните ее.

– Пробовали. Возвращается. Теперь она неведомо как забралась на дерево и воет уже оттуда. Можете убедиться. Это как раз напротив вашего кабинета.

Гердих Цессир гибко поднялся из кресла и, обогнув стол, распахнул окно, нарушив тем магию тишины. В комнату ворвались уличные шумы и истерический лай рыже-белой собаки, что словно белка примостилась на развилке ветвей.

– Интересно... – произнес лорд, проследив путь, каким пес мог забраться на дерево. Только страстное желание привлечь внимание и определенный склад ума заставили бы коротколапого бассет-хаунда – определенно жителя Земли – проделать смертельно опасные трюки: перепрыгнуть с дерева, росшего за забором на соседнее, но уже в пределах небольшого парка в поместье. – Надо бы спилить лишние ветви. Иначе к нам не только собаки будут лезть, но и всякое отребье.

В подтверждение верных мыслей собака четко произнесла:

– Гау-рон! Рон! Рон! Рон! – Гаррон надеялся, что сработало один раз, сработает и второй. Тем более, перед ним находилась не танцовщица эротических танцев и по совместительству хаюрбатский Робин Гуд, а глава разведки Агрида.

– Рон, рон, рон, – повторил Гердих, запуская ладонь в темные, слегка запорошенные инеем седины волосы. Лорду Цессису не надо было строить долгую логическую цепочку «человек-волк-собака», чтобы расшифровать послание. Он знал, за кем после боя убежал сын. Так вот ты какой, песчаный волк... – Гаррон?!

Пес едва не сорвался с дерева. Лай сделался радостным.

Лорд Цессир не стал надевать плащ, выскочил в парк как был, в одной рубашке. Собака прыгнула в натянутое слугами покрывало и облизала лицо Гердиха.

– Ну, все, все. Пошли в дом.

Преобразование в человека далось нелегко. Пришлось повозиться: просчитать и сделать амулет обратного действия. Артефакт развоплощения готовили, и не раз, но тот мастерили для вражеских агентов, скрывающихся порой под личинами таких мерзких тварей, что и подходить к ним было страшно, и не было никакой разницы, сделается лазутчик прежним, каким его родила мать, или вернется в изуродованном виде. А тут сын. Родная кровь.

К концу перевоплощения оба Цессира были мокры от пота, но это обстоятельство не помешало отцу и сыну крепко обняться.

– Ты как? – спросил Гердих, намереваясь услышать о самочувствии. Как же приятно вновь прижать к себе родное дитя, которое уже на полголовы перемахнуло родителя, но было до удивления похоже на него – такая же лобастая голова, сильное гибкое тело, широкий разворот плеч и ум, светящийся в глазах. У сына карих, в мать.

– Пап, я женился. И времени кричать на меня совсем нет. Ее вот-вот засунет в нашу академию леди Дафой.

Гердих послушался сына. Закрыв рот. Но скрежет зубов был весьма красноречив.

– Кто она?

– Беглая рабыня Хаюрба.

– Так может, ей самое место в академии? Если беглая, то оттуда ее никто не достанет. И у нас будет время приглядеться и подумать, как от нее избавиться.

– Пап, ты не понял. Она рабыня короля песков. И если тот узнает, что она жива, то явится за ней. Шаша для нас бомба замедленного действия и...

– Что «и»? Почему ты замолчал?

– ... и она мне нравится.

Цессир-старший упал в кресло.

– С возвращением, милорд! – Пастис крикнул приветствие в спину бегущему в свои покои Гаррону. Слуги в доме Цессиров давно ничему не удивлялись. – И правда, переодеться надо. Ваша-то одежда совсем истрепалась. Погодите, господин, я помогу!

Быстро искупавшись, Гаррон стоял перед зеркалом и полосовал щеки бритвой. Щетина за время отсутствия так отросла, что была похожа на ставшую привычной шерсть животного. В зеркале отразился вошедший в комнату отец.

– Я с тобой. И уже велел подать экипаж.

– Да, приходил слуга от Тени леди Дафой, – канцелярская крыса согнулась в поклоне. – Он принес записку.

– Где она? Уже передали ректору? – Гердих отстранил сына и выступил вперед.

«Крыса» поежилась под его взглядом, краска схлынула с лица клерка. Дрожжущими пальцами он поднял на стол корзину и высыпал ее содержимое. Гаррон сразу узнал нераспечатанный конверт и первым выцепил его.

– Да как ты смел, паршивец?!

Голос у «крысы» совсем пропал, и посетителям пришлось вслушиваться в едва различимый шепот.

– Прощения от Теней без живого родственника не принимаются. Таков закон. Леди Дафой давно академию не навещала и, должно быть, забыла. И зачем тревожить лорда Вадбрука, если на дворе весна, а новый прием начнется только осенью?

– Сын, не стоит с ним разговаривать. Идем к Вадбруку.

Пока петляли по запутанным коридорам, прочли записку.

«Прошу немедленно, помня заслуги моего мужа, возглавлявшего в течение тридцати лет кафедру Мировых Языков, принять бастарда его сына Краста Дафой леди Алекс, восемнадцати годов от роду».

– А Тень леди Дафой та еще авантюристка. И ведь докажет, что Алекс бастардка пропавшего Краста Дафой. Родовой перстень у Шаши с собой. Но восемнадцать лет? Ей, я точно знаю, двадцать четыре.

– Зерно саара им поможет. Иначе в академию не приняли бы. Сын, ты вляпался...

– А я-то думаю, откуда имя Дафой мне известно...

– История исчезновения наследника с супругой и последующая смерть самого лорда Дафой долго будоражили наше ведомство. Но никаких зацепок мы так и не обнаружили.

– Теперь есть одна зацепка. И она идет учиться в нашу академию.

– Значит, судьба.

Через полчаса карета летела по дороге в столицу, криками кучера распугивая прохожих. Цессыры догоняли экипаж Тиша. Насилу успели. Спас неспешный шаг старика. Он только преодолел первую ступень парадной лестницы, как перед ним появилась та самая канцелярская крыса из академии, которая приняла его с таким пренебрежением. Еще и нагрубилась, когда он всего лишь поинтересовался, когда следует ждать ответа. «Осенью, и еще не факт, что бастарда примут».

– Простите, милейший! На ваше прошение уже получен ответ. И он весьма радостный.

В руки старику была вручена бумага со всеми подобающими печатями академии.

– Милая! Ты принята! – от двери прокричала леди Дафой, вот уже час как карауляющая своего верного Тиша. Посыльный еще не успел уйти, поэтому обернулся, услышав голос Шаши.

– Леди Дафой, я нигде не могу найти своего пса. Я просто умру, если он не отыщется.

– Ты странная. Я кричу, что ты стала студенткой, а ты плачешь о какой-то уродливой собаке.

– Рон мой друг. И я люблю этого пса. Он единственное существо, которое было мне верным.

– Был бы верным, не сбежал бы, – парировала хозяйка особняка. – Вам все равно пришлось бы расставаться: пса в академию не пустили бы. Там режим.

А канцелярская крыса тихо съезжала по стеночке. Шаша была прекрасна. Нет, вовсе не отмотанные назад с помощью зерна саара года делали ее неотразимой для Гаррона, прячущегося под личиной клерка. Он впервые увидел ее не собачьими глазами, которые и на треть не передавали красок и красоты женщины, а глазами половозрелого мужчины.

«Я пропал».

А Саша проплакала всю ночь. Она допоздна будила криками «Рон! Рон, к ноге!» соседей по улице и с шаркающим Тишем, вооруженным фонарем, исследовала каждую канаву, но Рон так и не объявился. Он действительно пропал.

Эта ночь в Песчаном Хаюрбате была на редкость звездной. Лурус ярким зеркалом светил с высоты и, благодаря ему, трое людей, вооруженных ломом и лопатой, без труда нашли дорогу к могиле королевской танцовщицы Шаши. Фонари зажгли только тогда, когда было извлечено тело, завернутое в золотую ткань.

– Даже после смерти король о ней позаботился, – ревниво произнесла Толстушка Зу.

– Говорят, она не пережила смерть своего любовника, – ночной гость облокотился на черенок лопаты.

– Нет, Дани не был ей любовником. Она не посмела бы связаться со стражником. Уж что-то, а тайной связи между ними я не заметила. Я, может, и неповоротливая, но взгляд у меня зоркий.

– Так что ищем? – напомнил о деле второй гробокопатель.

– На ее шее должна быть цепочка с медальоном. Снимайте осторожно, она обжигает.

– Магическое что-то? – мужчина стянул с себя рубаху и намотал на ладонь. Лурус осветил капли пота на рельефной спине.

– Что-то. Много разговариваете.

Громко закричала ночная птица. Зу схватилась за сердце, но еще больше ее испугали возгласы мужчин, развернувших тело.

– Шаша была мужчиной?! Вот это да! Понятно, почему ее не интересовал Дани!

– Глупцы! Она была истинной женщиной, уж мне ли не знать, – возмутилась Толстушка Зу. Как ей ни хотелось приблизиться к покойнице, пришлось. – Поднесите фонарь! – произнесла она гнусаво. Запах был такой, что певице пришлось зажать нос.

Увы, гробокопатели оказались правы. Тело принадлежало мальчишке-подростку.

– А где же тогда Шаша? – Зу растеряно обернулась на пятившихся от нее мужчин. И только когда они побежали, поняла, что что-то не так.

– Кто такая и что делаешь на королевском кладбище ночью? – вооруженный стражник ткнул в бок пикой. Если бы Толстушка Зу чудом не удержалась на ногах, барахталась бы сейчас в чужой могиле. Осознание того, что ее могут закопать без суда и следствия, заставило открыться.

– Эй! Как вы смеете?! Я певица Зу из Шаму – собственность Его Величества!

– Пошла – пошла! – пика стражника тыкала то в спину, то пониже, заставляя шустрее перебирать ногами. – Посмотрим, как ты запоешь в тюрьме!

– Да что вы себе позволяете?! – идти Толстушке Зу было больно – в сандалиии набился песок.

А за спиной по кладбищу разносились возбужденные крики: «Держи! Хватай! Вон там еще один!» – отряд стражников обходил могилу за могилой, гоня к выходу мечущихся подельников Зу.

Разбирательство было недолгим – всех троих поместили в подземелье, а утром гробокопателей навестил сам Хаюрб. Тайна о мнимой смерти танцовщицы оказалась раскрытой. На теле мертвого подростка обнаружился добротный сработанный амулет, помогший превратить его в Шашу.

– Искать! Достать мне ее из-под земли!

Толстушку Зу отпустили домой, приказав молчать и вlepив на прощание десяток плетей за сокрытие сведений о таинственном обжигающем артефакте. Участь подельников оказалась куда печальней – их отправили на рудники.

– Скорее всего, Шаша ушла через западную границу. Вартур из рода Змей доложил, что раб со стреноживающей лентой на шее так и не вернулся.

– Чей раб?

– Королевского палача.

Казим-палач сделал непроницаемое лицо.

– Отродясь у меня не было рабов. Зачем они мне? Со своим делом я и сам справляюсь. А надо, всегда могу нанять помощников.

Обыск в его владениях ничего не дал.

Через пять дней после продолжительных допросов Казим был отпущен.

«За тобой должок!» – прислал он записку Сесилии.

Та, хоть и замерла от страха, все же не стала бросаться собирать вещи. Бегство не всегда лучший вариант. Да и Казим за столько лет стал больше другом, чем просто знакомым, с которым у нее общие дела. Палачу иногда тоже требовалась помощь. Не все из его подопечных заканчивали жизнь на виселице, некоторые благополучно уходили от закона. Разве на побрякушки, оставшиеся на теле казненных, проживешь?

Глава 9. Планы Цессиров

– Теперь у нас есть время поговорить, – Цессир-старший сел в кресло за огромным письменным столом, выдвинул верхний ящик и достал кристалл. Установив пирамидку на металлическую пластину, кивнул головой, подавая знак, что можно начинать. Амулет рода Помнящих запишет все до слова. Очень удобное изобретение. Во времена первых магов приходилось брать на службу одного, а то и двух отпрысков этого семейства, что значительно опустошало казну. Теперь же достаточно было приобрести артефакты и хранить необходимые сведения годами.

«Когда-то все мы были вынуждены использовать свои способности напрямую, без амулетов», – Гердих читал мемуары одного из предков лорда Ханнора, где тот жаловался, что устал работать извозчиком, таская порталами царедворцев.

Все закончилось, когда нашли формулу передачи магии определенному предмету. Если род Помнящих работал с хрусталем, то вот они, Цессеры, с рубинами, а Рвушие пространство – с изумрудами: оттого еще их артефакты ценились столь дорого. Всего лишь цветной камешек в центре медальона, а такая сила.

Элькассар Третий, король из рода Оживляющих, никогда не мастерил амулеты. Он всегда был единственным, кто может даровать жизнь или отнять ее. Роды попроще и материалы, наполняемые магией, использовали попроще: стекло, дерево, плетение из трав или кожи.

Гаррон, торопясь выложить накопленные сведения, устроился в кресле напротив, соединил кончики пальцев и закрыл глаза. Он говорил без остановки несколько часов. Пришлось дважды менять хрустальную пирамидку.

– Волки стоят во главе Хаюрбата и, судя по созвучному имени короля, никогда не теряли власть. Скорпионы, Змеи и Гиены хоть и подчиняются, но постоянно ропщут и копят силы, чтобы свергнуть Хаюрба.

– Но все же Волки удерживают трон.

– Король поступает весьма разумно – засылает шпионов, чтобы выяснить, где растет напряжение, откуда следует ждать удара. Разоренный оазис надолго утрачивает возможность противостоять правителю. И другим наука. Я уверен, Вари-даг, попав в руки короля, не доживет до рассвета, и все его имущество перейдет к короне. Рабов же, чтобы стереть даже память о мятежнике, скорее всего, сошлют в колонию.

– Вот еще одна неисследованная нами область.

– Колония сравнительно молодая, отделена от континента морем и попасть туда можно только рабом.

– Мы займемся этим. Подключим лорда Ханнора и его людей. И опять-таки вопрос, откуда в Хаюрбате столько амулетов перемещения?

– Контрабандисты. Есть данные, что торгуют артефактами эльфы. Скажу больше – след ведет в свиту княжича.

– Откуда такая уверенность? – Гердих поднял голову. Его поколение еще помнит многолетнюю войну между Агридом и Эльфийским княжеством, заключившим союз с сынами Урицы. Неужели продолжают вредить, не смирившись с ролью проигравших?

Гаррон замаялся. Ну как объяснить отцу, что, помочившись на обувь эльфа, пришедшего в дом Шаши, пес оставил на ней весьма характерный запах, который при встрече на мосту опознал. Да и в целом контрабандист пах иначе, чем другие эльфы, что определенно говорило о его пагубном увлечении миром грез.

– И контрабандист в Хаюрбате, и фаворит княжича курят «слезы тумана», – Гаррону не надо было объяснять отцу, что запах баснословно дорогих цветов из Кадии трудно смыть, но и учуять его практически невозможно. – Если бы я не был собакой, ни за что не догадался бы.

– Я подумываю создать амулет, превращающий людей в собак и кошек. Весьма полезное прикрытие для агентов, – вполне серьезно произнес Гердих. – И возьму на заметку твое предположение относительно свиты княжича. Надо будет предупредить Ханнора. Что еще?

– Хаюрдаги богаты. Очень богаты. Если Шаму живет за счет нефти, то рабы – золото Хаюрбата. Они оказались осторожнее, чем мы думали. Зачем подставляться и злить правителей таких государств как Селеворд, Эльфийское княжество или Агрид, когда можно гнать рабов с Земли и прочих миров, похожих на наш? Причем, я заметил, что хаюрдаги не выбирают кого попало. Это или женщины, которые всегда найдут место в гареме, или специалисты. Дани – военный инструктор, Павел, которого Шаша отослала на Землю с одной из спасенных девочек – нефтяник. Что-то пошло не так, и ребят забраковали.

– В Хаюрбате есть нефть?

– Есть, но плохого качества. И нет магов, которые взяли бы за очистку.

– А из Шаму?

– Как я понял, там такие маги на вес золота и охраняются не хуже золота.

– Поговорим о Шаше, – Гердих сложил пирамидки в деревянную коробку и спрятал в стол. – Птенцы короля – это тревожный факт. Занесло в Агрид одного, и нет гарантии, что не появятся другие. И если Шаша сбежала от Хаюрба, то прочие могли быть посланы им.

– Как будем искать? Раздевать каждого подозрительного?

– А что еще делать? Клеймо явное доказательство. Жаль, что мы не можем раздеть всю страну.

– Я одного не понимаю, отец, почему Хаюрб не бережет своих птенцов? К чему такая жестокость по отношению к Шаше?

– Ты еще не догадался? Песчаный король не будет тратить время на избавление своей рабыни, если в том нет смысла. Он однозначно пытается разбудить в ней магию. И Хаюрб точно знает, какие способности живут в Шаше. Это у нас пробуждение дара, если он не открылся в раннем возрасте, идет через посещение Источника, а в Хаюрбате все построено на лишении девственности. Если и здесь магия не просыпается, создают стрессовую ситуацию, которая повлечет за собой эмоциональный всплеск и, как следствие, высвобождение дара. Боюсь, твоя Шаша не оправдала надежд. Ей уже двадцать четыре, а искры магии нет как нет. Это и бесит короля. Раз он занялся ею лично, а не перепоручил жрецам, выходит, он ожидает чего-то невероятного, какого-нибудь особого дара. И эта тайна мне совсем не нравится. Проще и спокойнее для нашего королевства уничтожить танцовщицу Хаюрба, чем гадать, что она в себе таит.

– Нет, отец. Шашу нельзя убивать.

– Из-за того, что она тебе нравится? – лицо Гердиха скривилось в ухмылке. Гаррон вновь почувствовал себя капризным мальчишкой, требующим игрушку.

– Нет. К нам в руки попала девушка, несущая определенный дар, который очень нужен Хаюрбу. Неужели мы уничтожим ее только из-за того, что не знаем о ее способностях? А если этот дар когда-нибудь спасет Агрид? Ты и сам знаешь, как забытый род, обретающийся где-то на задворках вселенной, вдруг приносит королевству пользу. Вспомни хотя бы Врачующих, найденных в Третьих мирах. Не они ли подарили нам идею использования магии не напрямую, а через амулеты?

– Сравнил. Врачующие избавили Агрид от большинства заразных болезней, а что ждать от Шаши?

– Просто ждать и наблюдать. Я даже рад, что леди Дафой засунула ее в академию. Близость Источника поможет нам.

– Но за танцовщицей нужен будет постоянный контроль.

– Я возьму эту задачу на себя.

– Опять превратишься в пса? – Гердих устало улыбнулся. День был долгим. Надо бы еще раз прослушать информацию, а потом передать кристаллы в ведомство. Затребовать в королевских архивах список исчезнувших родов. А еще лучше, тех, кто попал в опалу.

– Нет, в академии собакам не место, – Гаррон не ответил на улыбку отца. – Я буду куратором. Шаша пропустила почти целый год занятий, и я буду тем, кто подтянет ее.

– Только без секса, пожалуйста. Иначе обращение к королю за разводом станет проблематичным. Трудно будет доказать случайность вашей связи. И еще, я думаю, не стоит ей идти в академию под именем Дафой, с которым связано таинственное исчезновение почти всей семьи. Мы с тобой прекрасно знаем, что она не дочь Краста Дафой, а потому дара Читающих письмен у нее нет.

– Не согласен. У Алекс может получиться. Благодаря нашему строну она уже говорит на нескольких языках, и уверен, подsunь ей незнакомый текст, она легко его прочтет. Наша магия позволит. Чем не Читающая письмена?

– И как тебя угораздило лишиться строна? – отец досадливо поморщился. – Раз он начал действовать, будь настороже. Скоро для Шашы не будет проблемы сменить лик, а значит, она легко уйдет от своего куратора.

– Ты забыл, что и куратор тоже легко меняет лики? Где бы она ни находилась, я всегда буду рядом.

С самого утра к дому три на бульваре Роз подкатила карета с эмблемой магической академии – меч, на гарде которого сидела сова. Во что упирался меч, Саша не поняла: то ли он проткнул зеленый холм, и сова гордо смотрела на людей, то ли птица оказалась более кровожадной и сразила извивающуюся зеленую змею.

– Мне страшно, – прошептала Александра, наблюдая с высоты второго этажа, как извозчик укладывает ее вещи – леди Дафой поделилась своими нарядами, которые выглядели даже сейчас добротно и «ничуть не отстали от моды». Саше осталось только согласиться. Вещи в ее узелке вовсе не выглядели достойно громкого имени и уж тем более модно. Они с самого начала были призваны не привлекать внимания к их хозяйке. – А вдруг там раскусят наш обман? Ну какая я Читающая письмена?

– Если ты разобрала мой почерк, то точно Читающая, – успокоила ее Тень. – И потом, для того и существует академия, чтобы развивать свой дар, и не всякий приходит туда подготовленным. Немного старания и везения, и все у нас получится. Ты не забыла взять с собой тетрадь, где я написала памятку о семье Дафой? На досуге почитай. Отпрыски должны знать историю своего рода. И ничего не бойся! Ты выросла на чужбине, поэтому не страшно, что тебя признают за деревенщину. Помни, смысл нашей затеи – спрятать тебя от мужа. Пусть лучше считают дурушкой. Удачи, милая.

– Спасибо вам, леди Дафой...

– Называй меня бабушкой, ведь теперь мы родственницы. И пиши почаще! Навестить тебя я не смогу, поскольку не осталось ни одного живого родственника, чтобы сопровождать меня, а вот отправить на подмогу Тиша я в состоянии.

Тиш едва выволоч на порог небольшой сундучок, куда леди Дафой уложила заказанные накануне в лавке красоты средства ухода за телом.

– Если он, конечно, доберется до академии...

– И пожалуйста, если вернется мой пес, не гоните его! – Саша обернулась на пороге дома, ставшего за короткое время родным.

– Не беспокойся, милая! – Тень провела рукой по щеке Александры. – Если Рон объявится, Тиш за ним присмотрит.

Саша тряслась в карете, которая была столь огромна, что вместила бы в себя дюжину учеников, и от этого новоявленной студентке было еще тоскливее. Кто-то в начале учебного

года ехал на этой деревянной скамье плечом к плечу, деля волнение на всех, а она одна. Опять осталась совершенно одна в незнакомом мире, с наспех сочиненной легендой, и ее путь лежит в академию, где куча умных магов, которые, скорее всего, сразу раскусят нагроможденную выше головы ложь.

«Ну, не убьют же они меня? Я ведь ничего такого не сделала? И кто им расскажет о том, что я из вражеской страны? Надо бы почитать каракули леди Дафой, чтобы отвечать о родителях без запинки».

Саша потрогала карман, в котором лежало рекомендательное письмо от «бабушки» и родовой перстень Дафой, подтверждающий ее принадлежность к роду.

Александра Верховая знать не знала, какой резонанс в ведомстве вызвало давнее исчезновение супругов Дафой, иначе отказалась бы от столь сомнительной легенды. Но лорд Цессир уже позаботился, чтобы новой ученице не задавали неудобных вопросов. Ректор академии был извещен, что внезапно объявившаяся Алекс Дафой является супер-важным объектом, находящимся в разработке, а потому несанкционированное вмешательство в ее судьбу не приветствуется.

Глава 10. Прибытие в академию

Леди Алекс Дафой, бастард Краста Дафоя и некой землянки Екатерины (чтобы не подставлять Сесилию – иначе о ней пришлось бы рассказать, было взято имя настоящей мамы Саши Верховой) ехала по горной дороге, петляющей меж могучих елей и сосен. Давно кончился пригород столицы, примечательный особняками, утопающими в зелени, лугами с пасущимися на них коровами, и далекими деревеньками, курящимися дымками, столь хорошо видимыми в чистом весеннем воздухе, проплыла вереница небольших озер, в которые, будто в зеркало, смотрелось небо, украшенное кучевыми облаками, отгромыхала речка, бьющаяся о поросшие мхом валуны и грозящаяся снести деревянный мост, а конца пути видно не было.

Саша время от времени опускала окно, силясь рассмотреть здание академии (по всем расчетам оно уже должно было появиться на горизонте), но наткнулась на однообразие ландшафта да грозный взгляд кучера, который, всякий раз оборачиваясь, для остротки шелкал кнутом.

Вспоминая студенческую жизнь, описанную в книгах (самой так и не удалось побывать студенткой), Александра снова и снова убеждалась, насколько правильно леди Дафой выбрала место «заточения». Никакой тебе разгульной жизни: пока доберешься до ближайшего кабака, ноги до колена сотрешь – карета то и дело подпрыгивала на камнях да ухабах. А однажды кучеру даже пришлось остановиться, чтобы оттащить в сторону валун, сорвавшийся с кручи.

«Действительно, недоступное место. Очень верное решение запереть магический молодец повыше в горах да подальше от увеселительных заведений. Учиться, учиться, и еще раз учиться! Вообще удивительно, как это Тиш умудрился обернуться за один день, путь на самом деле оказался таким неблизким!»

И стало до боли жалко старика, чьи кости так же нехорошо подбрасывало на неровностях дороги.

– Эй, студентка, гляди! – крикнул кучер, заметив, что Саша опять высунулась в окно, и ткнул хлыстом куда-то ввысь. Александра чуть ли не вывалилась, чтобы рассмотреть открывшийся вид: к величавому утесу прикрепился замок, который, должно быть, строился веками – столь разнообразны по архитектурному решению были венчающие его башни, башенки и крыши огромных зданий. Из-под массивной крепостной стены, змеей извивающейся по крутому склону, бил небывалой мощи водопад. Видимо, он и являлся истоком горной реки, которая потом, на равнине, превращалась в реку Сытую, что делила столицу Агрида на две части: Светлую – королевскую, где кроме дворца густо расположились особняки знати, и Темную, служащую местом обитания простого народа, который так или иначе был задействован в услужении власть предержащих.

Еще один виток дороги, и карета замерла на каменном мосту, застывшем горбатым зверем на четырех лапах.

– Это и есть Источник? – спросила Саша и тут же забыла выслушать ответ. Зачарованная красотой она сжимала ладони на влажных перилах моста и буквально задыхалась от счастья – на водной пыли водопада, ярко освещенной Тариллой, переливался каскад радуг. С этого участка дороги академия не была видна, а потому чудилось, что река берет свое начало откуда-то с небес. И сама пропасть под мостом казалась бездонной. У Александры в животе все сжалось от страха – она только представила, как рушатся каменные опоры, и они с кучером летят в грохочущую темноту.

Саша с удовольствием вдыхала прохладный, насыщенный капельками воды воздух. Запах сосновых пород и весенних цветов здесь открывался с новой силой – он опьянял и будоражил кровь, а потому думалось, что среди такой красоты нетрудно будет провести целую жизнь, а не какие-то несколько лет обучения.

Александра вздрогнула, когда затянута в перчатку рука кучера тронула ее за плечо. По губам догадалась, что он кричит «Пойдем!», и с сожалением вернулась в карету. Волосы от влаги закучерявились так, что больше не удерживались шпильками, а потому буйной волной упали на плечи. Саша тряхнула головой и счастливо рассмеялась – впервые с тех пор, как покинула Хаюрбат. Да, ее печали определенно закончились, и впереди ждет только хорошее. А она уж постарается быть достойной лучшей жизни, в очередной раз сделавшей крутой виток и позволившей начать отсчет с нуля.

Парадный вход в академию оказался настолько огромным – в него смело могла пройти четверка людей, ни на мгновение не соприкоснувшись плечами, что Саша почувствовала себя мелкой букашкой на ладони гиганта. Однако двери – такие же большие и массивные, были распахнуты настежь, словно кто-то точно знал, что сейчас к ним пожалует гостя.

«Тот, кто проектировал академию, определенно болел гигантоманией», – подумала Саша, когда оказалась в овальной зале, чей свод терялся в вышине. Он поддерживался колоннами, вытесанными в виде атлантов и кариатид, чей суровый взгляд следовал по пятам и заставлял ежиться.

«Пусть так, чем бескрайние пески и выжженное Тариллой небо».

– Новенькая? – тишину разрезал скрипучий голос.

Эхо тут же подхватило его:

– Ая! Ая! Ая!

Только тут Саша заметила, что зашла в здание совершенно одна, хотя была уверена, что кучер, груженный ее вещами, потащится следом. Она беспомощно оглянулась на лестницу, что вела к выложенной белым мрамором площади: кареты и след простыл. Волнение об исчезнувшем вместе с каретой багажом отошло на второй план, когда перед Александрой на расстоянии вытянутой руки выросла Тень.

Старик был высок, сухопар и почти прозрачен. Лишь по волнению воздуха можно было догадаться, что он беспрестанно кружит вокруг «новенькой». Тень так и норовила то дернуть ее за волосы, то потрогать плечо, то даже мазануть пальцем по щеке. Саша попятилась – прикосновения старика были неприятны. Он будто тыкал в нее не пальцем, а сосулькой.

– Магия в ней есть! – крикнул он кому-то в итоге. – Но очень слабая. Считай, на двойку из десяти.

– И куда мы ее определим? – откликнулись с балкона второго этажа, опоясывающего по кругу всю залу. За высокими перилами рассмотреть говорящего было невозможно. – К молодняку?

– Не девственница. К молодняку нельзя. Как пить дать плохому научит. Вот в наше время...

– А это вы как узнали? – не дала углубиться в воспоминания Саша. Наивная, она строила надежды, что прошлое касается только ее. А тут с ходу... Не девственница. И скорее всего развратница, раз в стародавние времена такого произойти не могло.

– А вот так и определили, – тонкий голосок принадлежал рыжеволосой девчужке, которая забралась на возвышение, чтобы как можно лучше рассмотреть «новенькую». – Была бы девственница, билась бы сейчас в истерике. Или топала ногами от возмущения.

– Мол, опорочили и все такое, – добавил старик.

– Сама себя выдала, – хихикнула девчонка.

По тому, как старик прятал улыбку, Саша поняла, что эти двое ее сейчас разыграли.

– Да кто вы такие?!

– Что здесь происходит? – по такой же широкой лестнице, но с противоположной стороны залы, спускался мужчина в мантии. Гладко выбритое лицо, цепкий взгляд темных глаз. Нос с горбинкой, узкие губы плотно сжаты. Коротко стриженные седые волосы резко контрастировали

с чернотой мантии, отчего приятные черты лица казались тоньше, острее. – Папа? Тетушка Зира?

– Магия в новенькой есть! – отрапортовала старшая Тень. – Меня и Зиру слышит, от прикосновений уворачивается.

Зира, которая шустро спустилась со второго этажа и вблизи оказалась Тенью карлицы, подергала мужчину за мантию.

– Но от королевской дочери ее лучше держать подальше.

«Еще плохому научит!» – домыслила за карлицей Саша. На нее сейчас словно клеймо поставили. Руки непроизвольно сжались в кулаки.

– А это еще почему? – седоголовый с интересом рассматривал новенькую. Теперь, когда раздражение с его лица ушло, угадывалось, что все трое были родственниками и весьма близкими.

– Сам не видишь? Она куда привлекательнее ее, – Зира медленно обходила Сашу по кругу. Остальные как привязанные следовали за ней.

«Это семейная особенность, – успокаивала себя Саша, стараясь не вертеться и не озираться, будто загнанная белка. – Пусть посмотрят со всех сторон, раз уж им так хочется».

– Она мила, доброжелательна. Умеет держать себя в руках, – продолжала выстраивать светлый образ новенькой тетушка Зира. – Такой девушкой студенты наверняка заинтересуются, а Самфира не простит. Я уже замучилась излечивать ее «подружек» от порчи.

– Думаешь? – ректор, размышляя, поскреб щеку.

– А то, сынок. Намедни прибежала одна...

– Тело зудело так, точно ее на муравейник посадили...

– Если бы только этим ограничилось...

– Ау! Люди! Я здесь! – Саша похлопала ладонью по груди. Она уже устала находиться в центре хоровода и прислушиваться к чужому разговору. Не очень приятно чувствовать себя каменной кариатидой, которой никто не собирается давать слово.

– Ох, леди, простите нашу невежливость, – седовласый согнулся в учтивом поклоне. – Я ректор академии лорд Вардбрук, это мой отец Вардбрук-старший и моя тетушка леди Зира.

Старик удостоил гостью движением густых бровей.

– Очень приятно. Я Алекс Дафой, – Саша присела в низком реверансе.

– Пожалуйста, не обижайтесь на моих помощников. Они как могут разнообразят свою жизнь, но все в пределах традиций. Вы только что прошли стандартную проверку на наличие магии.

– Двойка из десяти, – добавила Зира. – А потому ее не следует помещать даже к молодняку. Лучше к безмагийникам.

– Тетушка Зира хочет сказать, что уровень вашей магии весьма слаб, а потому вам проще будет ужиться со студентами, которые вовсе не обладают магией, чем с теми, в ком она открылась на четверку-пятерку.

– Я так плоха? – Саша еще не начала учиться, а уже попала в когорту «двоечников». Кого такое известие не опечалит?

– Видите ли, леди, – лорд Вардбрук предложил Саше свой локоть и повел ее к лестнице, по которой совсем недавно спустился. – Я слышал, вы сирота и прибыли к нам издалека, а потому еще не знакомы с агридской градацией магии. Живущие в семьях магов впитывают опыт с годами. Проще только тем, на ком с рождения строн. Он сразу переводит своих обладателей на ступень выше, остальным же – детям-бастардам или вторым-третьим отпрыскам в семье, кому не суждено носить родовые амулеты, приходится познавать магию шаг за шагом. И поверьте, многие так и не могут продвинуться выше среднего уровня. Не всем дано. Наше заведение помогает освоиться, научиться обходиться теми способностями, что даны небесами. Но можете себе представить, каково в нашем мире тем, кто вовсе обделен магией?

- Они нас вообще не видят, – вздохнула Тень старика.
- И не слышат, – добавила карлица.
- А я вижу и слышу, – успокоила сама себя Саша. – Ну, хоть что-то...
- И это два балла из десяти. Начало положено.

Длинный коридор вновь привел к лестнице.

– Тебе на второй этаж, – ректор резво поднимался вверх. Тень старика не присоединилась к остальным, оставшись блуждать в зале, где, видимо, было ее основное место службы. – Первый используется в служебных целях. Здесь ты найдешь кладовые, в которых есть все необходимое для учебы. Что-то выдается бесплатно: как правило, это учебники и кое-какая одежда. Не всем по карману обучение в нашей академии. Питание бесплатно.

– Не так уж оно бесплатно, – Зира не поспевала за быстрым шагом ректора, поэтому просто повисла на его руке. – Во времена, когда я училась, нас не баловали такими разносолами.

– Дотация короля. Сто лет назад в числе студентов не было его дочери. Элькассару Третьему важно, чтобы магический фон в королевстве был стабилен. Как в городах, так и в деревнях. Зависть не лучший способ сплотить подрастающее поколение.

– Ну-ну, поэтому ты пытаешься одеть всех в одинаковые хламиды.

– Безликость первое правило для равноправия. Хотя бы здесь, в стенах академии.

– Деточка, мой тебе совет: не вздумай нацепить ту синюю тряпку, что тебе выдаст ключник Ежель, – чтобы видеть Сашу, карлице приходилось или сильно наклоняться вперед, или выгибаться назад – мантия ректора мешала хорошему обзору. Контакт глазами для Зиры был важен. – Тем ты сразу подчеркнешь свою провинциальность.

– У нас разве мало тех, кто предпочитает носить нечто похожее на мантию ректора? – лорд Вардбрук осуждающе покачал головой. – Бывает, что для студента-немагийника деньги собирают целой деревней. Для них важно, чтобы их посланец вернулся обладателем определенных знаний...

– И связей, которые даже в глухомани могут пригодиться. Поэтому каждый студент сто раз подумает, прежде чем рискнет натянуть мантию, могущую вызвать пренебрежительное к нему отношение со стороны лордов. Я тебе многократно говорила об этом, Петэр. Пустая затея.

– Тетя...

– А для чего немагийникам получать академическое образование? Разве у вас не развита торговля амулетами? Я слышала, что для хорошего урожая достаточно выйти в поле с амулетом, сделанным магом из рода Говорящих с травами.

– Все так, деточка, – Зира перехватила инициативу, поэтому лорду Вардбруку только и осталось, что сжать губы. – Но любая вещь требует правильного с ней обращения. Это поначалу кажется, что все просто – взмахнул рукой и ты уже на другом конце королевства...

– Это она лорда Изегера Ханнора из рода Рвущих пространство вспомнила, – сделал ремарку ректор.

– Да, Петэр, вспомни, сколько ему пришлось помучиться, чтобы сделать все правильно. А ведь он покинул академию в шестнадцать лет, набрав девять из десяти баллов.

– Если бы не Тень его матери, отдавшая ему последнюю магию, то он и к двадцати годам не смог бы открывать порталы.

– Если бы не леди Витро, – поправила племянника тетюшка Зира. И добавила, уже обращаясь к Саше, засмотревшийся на вид из окна – на лужайке сидела группа девушек в платьях всех цветов радуги: – Из-за ее маниакального стремления выйти замуж непременно за Изегера, ему пришлось чуть ли не полвека провести на чужбине. Да и потом она его не оставила, мерзавка.

– Тише, она теперь сноха короля...

– А мне-то что? Зерна саара Теням ни к чему, поэтому я могу всю правду в лицо самой Дэйте выплюнуть. Убийца...

– Не обращай внимания на ворчание леди Зиры. Если уж она кого невзлюбила, то это навсегда.

Саша запомнила, что с Тенью леди Зиры лучше дружить.

– А вот и твоя комната. Осваивайся. Вещи, надеюсь, уже доставили.

Глава 11. Деревенская девушка Мара Качира

– Как мне узнать расписание занятий? – этот вопрос Александру волновал в последнюю очередь, но она не решилась спросить, когда и где состоится ужин. Организм уже всюю сигнализировал, что пора бы перекусить: в доме леди Дафой завтрак подавался слишком рано, а обед Саша наверняка пропустила. Еще немного и требования желудка услышат все присутствующие.

Кроме боязни оконфузиться перед ректором и его тетушкой, новоявленную студентку занимали мысли, какую одежду выбрать, чтобы не выглядеть белой вороной – попроще или понарядней? И найдет ли она понимание среди студентов, избалованных деньгами и властью? И как она вживется в коллектив, где все были примерно одних лет, а она пребывала в возрасте «старушки».

Одним словом, Саша трусила.

После всего рассказанного, а также нечаянно подсмотренного в окно, где кучка девушек блистала юностью и красотой, она жуть как переживала. Лорды, дочь короля, немагичники, облаченные доверием целой деревни, и она, сумевшая окончить лишь школу, а остальное время потратившая на сопротивление Хаюрбу и соблазнение мятежных хаюрдагов, выбалтывающих свои тайны под действием амулетов.

Благодаря половинке зерна саара она вновь стала восемнадцатилетней, но разве магическое зерно способно стереть память рабыни? Шесть лет жизни под принуждением – немалый срок.

– Расписание тебе принесут. А твоя соседка объяснит, как пройти к ключнику и получить все необходимое, – ректор толкнул дверь, и перед троицей предстала та самая «соседка». Она сидела на плохо заправленной кровати и лузгала семечки. Заметив стоявших на пороге гостей, светловолосая круглолицая девушка заторопилась подняться, отчего шелуха разлетелась по всей комнате.

– Божечки! Никак смилостивились, подселили! – произнесла «нескладеха» – так дедушка Саши называл торопыг, у которых все валилось из рук. Манеры хозяйки комнаты подтверждали простоту происхождения – она наскоро вытерла рот подолом собственной юбки. Сделав неловкий реверанс, девушка растянула губы в широкой улыбке, превратив глаза в щелочки.

– Знакомьтесь, наша новенькая студентка леди Алекс Дафой, а это немагичка-лечебница Мара Качира, – ректор старательно хмурил брови, но его глаза светились весельем, настолько непосредственной оказалась девушка.

– А вот и вещички прибыли! – воскликнула та и бесхитростно помахала рукой, указывая ректору на место, куда следовало потесниться, чтобы два крепких парня, заноса кофры и сто одну картонку, собранные леди Дафой, не задели его. – Ох, и богато! Ох, и богато!

– Ну, вы тут как-нибудь сами, – попятился к двери лорд Вардбрук, одергивая Тень леди Зиры, которая застыла с открытым ртом. – Молчи, – шепнул племянник тетушке, медленно поднимающей указательный палец, нацеленный на суетящуюся Мару, – я потом тебе все объясню.

Помогая распаковывать сумки и картонки, Мара то восторженно ахала, то кривила лицо, выражая тем отношение к открывшейся вещи. Вкус у девушки из деревни Далекие Холмы был своеобразным: ей нравилось тончайшее нижнее белье и совсем не воодушевляли тяжелые наряды из бархата и камней.

– И как в этом ходить? Оно же до пят! К земле гнет и между ногами путается! То ли дело недлинное шерстяное платье – тепло и уютно, – соседка встала и покружилась, демонстрируя наряд свободного покроя. – Мягонько.

– А летом как? В жару в любой одежде взопреть можно, – Саша невольно перешла на просторечный язык соседки.

– А лен на что? И ситчик завозной. Прохладно и пот легко впитывается.

– А на ноги лапти?

– К чему какие-то тяпки, если из того же льна дед Сахай туфли пошьет? Или сандалии из кожи смастерит на загляденье. Во, глянь, какие на мне обутки! Сама катала, он только советами поправляет! – Мара вытянула ногу, на которую было надето что-то серое, бесформенное, похожее на обрезанные валенки. – Легко и удобно.

– Мягонько, – согласилась Александра и опустила глаза на свои красивые, сделанные из добротной кожи неведомой зверюги сапожки. Гардероб леди Дафой был безграничен.

– И мягонько тоже.

– Ну ладно, убедила, – Саша принялась расстегивать дорожную одежду, чтобы умыться – в углу комнаты она заметила таз с кувшином. Привыкшая ходить в песках чуть ли не нагишом, она совсем не подумала о девушке из деревни Далекие Холмы. Та, увидев брошенную на кровать нижнюю рубашку, раскраснелась так, что веснушки на лице поблекли.

– Ой, прости, я тебя смущаю...

– Да и пусть, – Мара примирительно махнула рукой, хотя продолжала смотреть на новую подругу через опущенные ресницы – такие же светлые, будто выгоревшие на местном солнце, как и волосы. В целом внешность Мары была отмечена неброской красотой и отменным здоровьем – крепким телом, в котором по определению должен жить крепкий дух. Приглядевшись, можно было заметить и необычную светло-зеленую радужку глаз, и ямочки на щеках, появляющиеся при широкой улыбке, и не портящий миловидности нос картошкой.

«Картошечкой», – поправила себя Саша.

– Отчего бы не посмотреть на ладную фигуру, – Мара скользнула взглядом вниз – до резинки просторных панталон. Как заверила Сашу леди Дафой, в дорогу не стоит надевать ничего обтягивающего и неудобного. – И пупок у тебя красиво прячется, а у меня как бугорок наружу торчит. И ничего с ним, поганцем, не делается. Один стыд и срам.

– Дай гляну? – Александре хотелось утешить подругу заверениями, что все с ее пупком нормально, но та возмутилась.

– Еще чего?! – Мара на всякий случай прикрыла ладонью то место на платье, под которым скрывалась неотъемлемая деталь любого тела. – Не принято в Холмах пупками сверкать.

– А в некоторых, к-хм, королевствах пупки наоборот наружу выставляют. Еще и украшают драгоценными камнями, – Саша вспомнила свой «концертный костюм». Увидев такой крестьянка Качира умерла бы на месте.

– Бесстыдники! – дала свою оценку Мара. Она отвела глаза, когда Саша склонилась над тазом. А когда та скинула на пол панталоны, которые намочили от неумеренного плескания в воде, так и вовсе вылетела из комнаты и крикнула уже из-за закрытой двери: – Я тебя на первом этаже подожду. Одевайся попроще, иначе ключник Ежель втридорога за всякую безделицу возьмет.

– Проще так попроще...

На свет появилось серое платье из тонкой шерсти – такой выбор Мара точно одобрила бы. «Мягонькое и удобное». Атласная лента, активно подчеркивающая талию, была немедленно снята. Правильная соседка досталась Саше – хаюрбатская танцовщица давно забыла бы, что она прибыла в академию прятаться, а не красоваться в великолепных нарядах, которые с избытком затолкала в дорожный кофр леди Дафой. А ведь ей ни к чему лишние пересуды!

Полосатый палантин надежно скрыл волосы и плечи, сделав Алекс Дафой безликой.

– Новенькая?! – строгости в голосе крепкого бородатого мужчины с закатанными по локоть рукавами было немерено. Такому бы лес валить, а не рыться на полках с тряпками. – Ежели новенькая, то мантийку выдам, а коли старенькая – сначала верни поношенную хламиду да объясни, что такого с ней сотворила. Небось на уроках артефакторики пожгла? А может,

тварь из иного мира вызывала, и та кислотой отрыгнула? Ежели такое с твоей старой мантийкой сотворилось, то предупреждать надо. Неровен час сам вляпаюсь. У меня только-только язвы от никодимусовой слюны зажили.

– Никоди... А это что за зверь такой? – прошептала Саша, обращаясь к Маре, думая что та так и стоит за ее спиной. В мыслях рисовалось чудовище, брызжущее ядом. Но соседка в ожидании «отоваривания» подруги уже бродила вдоль длинных рядов полок, поэтому откликнулась не сразу. А посмотреть в огромной кладовой ключника Ежеля (теперь понятно по каким причинам получившего прижившееся имя) было на что: такого количества причудливых колб, книг и прочего снаряжения для магических дел Александра никогда не видела. Сейчас комната Сесилии, в которой та создавала амулеты иллюзии, казалась чуть ли не кустарной мастерской.

– Новенькая она, дядька Ежель. А Никодимус – это наш профессор риторики, – Мара крутила в руках спиралевидную стеклянную трубку. – Для активации любого артефакта нужно чисто произносить слова, иначе он не откликнется. А в бою промедление может грозить смертью.

– Положи перегонку назад! – рявкнул ключник и, убедившись, что студентка торопливо отошла от полки со стеклом, изволил порассуждать о профессоре. – Ежели студент не проявляет старания, лорд Никодимус впадает в дикую ярость.

– И его слюна становится ядовитой? – такого представить Саша не могла – профессор, плюющийся ядом!

– А то! – Ежель встряхнул очередную «мантийку», прикидывая, подойдет ли та по размеру миниатюрной ученице. – Он же из рода Отравителей, поэтому его злить не след... Не зря он похоронил девять жен.

– А-а-а разве профессор не должен быть осторожным? Мало ли куда его яд попадет? – Саша даже начала заикаться. Женитьба – дело согласованное, а вот куда податься бедным студентам?

«И как вообще такого допустили до юных магов? А если возненавидит кого?» – на ум пришло воспоминание, как ее, школьницу, «топила» математичка, невзлюбив за отстаивание собственного мнения. Сашка всегда допытывалась, почему ей была поставлена незаслуженно низкая оценка. Чувство справедливости не давало покоя. Училась она хорошо, а потому не понимала и не принимала учительские игры в «любимчиков», которым многое прощалось. Дай Ольге Николаевне природа ядовитую слюну, первой в неравной битве пала бы именно она, Александра.

– Зато студенты стараются и с первого раза произносят слова заклинания правильно, – наставительно изрек Ежель. – Бывалоча, на занятия по риторике до года уходило, а как поставили лорда Никодимуса в месяц укладываются. Вспомни, Мара, сколько наша принцесска с рыбым лицом проходила? – вокруг глаз бородача морщинки сложились в веселые лучики.

«Ох, и не любят здесь королевскую дочь!»

– Да, почитай, недели две вуалью прикрывалась.

– То-то же! Бери, новенькая, на заметку.

– Дайте мне, пожалуйста, вуаль поплотнее. Береженого бог бережет, – тут же откликнулась Саша. Ежель и Мара громким смехом оценили ее предусмотрительность. Правда, одновременно со смехом закралось чувство, что только что ее вновь разыграли.

«Поживем, увидим», – решила Александра. На этом и успокоилась.

Выданные учебники несли в четыре руки. «История королевства Агридского», «Миры и твари», «Иерархия родов и власть» – каждая книга весила столько, что впору было искать тележку. Если бы не крепкая Мара, Александре пришлось бы раз пять сбегать в кладовую, чтобы вынести все то, что она взяла по совету соседки.

– А, кстати, почему ты не на занятиях? – поинтересовалась Саша, устраивая учебники на одном из двух столов. – Насколько я знаю, они заканчиваются далеко за полдень.

На соседнем столе лежала книга «Лечебное дело для немагичников», открытая на странице с рисунком человека, широко раскинувшего руки. От всякого его органа шла стрелка, заканчивающаяся за границей рисунка круглой впадиной, куда легко могла бы поместиться мелкая монета.

– Пока не выучу, какие амулеты куда прикладывать в случае болезни, меня на занятия не пустят, – соседка тряхнула коробкой, в которой лежали миниатюрные металлические кругляши с непонятными символами. – Наказали за бестолковость...

– Так ты, что ли, двоечница?

Лицо Мары опять вспыхнуло.

– Не даются мне эти закорючки. Сколько не зубрю, только глаза от учебника оторву и уже не могу вспомнить, что обозначает символ «луста», а что «вирика».

Александра взяла из рук Мары коробку. Стоило достать первый кругляш, как непонятные символы на нем сложились в слово «печень».

– Ты это видела? – воскликнула Саша и поднесла кругляш к глазам Мары. – Чудо чудесное! Только что ничего не понимала, а теперь легко читаю!

– Что?! Читаешь?! – соседка чуть не плакала. – Ничего такого чудесного я не вижу. Закорючки и только. И никак мне не разобрать, то ли это «гага», то ли «секи».

– Это фиста. Печень, – проследив за стрелкой, ведущей к правому подреберью нарисованного мужчины, Саша вложила кругляш в нужное углубление. Символы на мини-амулете засветились зеленым.

– Ну вот! Даже ты, видящая все эти закорючки впервые, и то понимаешь, что написано. Я же настоящая бестолочь! Бестолочь! Бестолочь! – Мара билась головой о подушку, и Сашу, как ни стыдно признаться, порадовал ее выбор. Учеба учебой, а биться о стену совсем плохая затея. Можно последние мозги растрясти.

– Ты вовсе не бестолочь. Просто я из рода Читающих письма. Мне любой язык дается легко. Стоит услышать пару фраз, как я уже могу сносно изъясняться.

– Везет же вам, магам, – Мара вытерла слезы о ту же подушку. – А мне ничего, кроме зубрежки, не остается.

– Я тебе помогу. Вместе всегда учить веселее.

– И я тебе пригожусь, вот увидишь! – глаза соседки уже сияли. А Александра улыбалась, вспоминая детские сказки, которые читала ей бабушка. «Не убивай меня, добрый молодец! Я тебе еще пригожусь!» Мара, по-своему поняв улыбку Алекс, приободрилась. – Кто, как не я, подскажет, с кем стоит водиться, а к кому лучше не подходить. Я хоть и учусь на лечебном-немагическом, всех ваших магов как свои пять пальцев знаю.

– А мы разве не будем вместе ходить на занятия?

– Нет, – Мара вздохнула. – Наш корпус налево, а ваш направо. Только здесь и будем встречаться. Даже обедать-ужинать будем врозь...

Мысль, что немагичники отлучены от «барского стола», покорибила.

– Тогда давай не терять время. Смотри, вот этот символ называется «луста». Таким амулетом лечится голова.

– Нет, мне не запомнить.

– Приглядишься, на что похож этот символ? Видишь, он весь такой круглый, словно капуста.

– Ой, и правда похоже. Луста-капуста!

– А еще капусту называют кочаном.

– И голову так зовут!

– Ну вот, один символ уже освоили. Сколько еще осталось?

Мара опять тяжело вздохнула.

– Больше тысячи. Для каждого органа и каждой косточки свой. Глянь, весь учебник в рисунках.

– Значит, осталось всего-ничего освоить. Какие-то жалкие девятьсот девяносто девять. Соседка в порыве благодарности обняла свою учительницу и тут же вновь покраснела.

– Ты чего?

– Ты даже пахнешь вкусно.

– Мыло леди Дафой. Это моя бабушка. Она уже стала Тенью, поэтому не сможет меня навещать.

– Везет тебе. Бабушка-Тень. А я сирота.

– Уже нет. У тебя появилась сестра. Привет, родная!

– Привет! Будем держаться вместе?

– Будем!

Глава 12. Неудавшийся ужин

Пока перебирали мини-амулеты со всеми этими «сати», «мули» и «агедаму-сами» (последний символ, звучащий так солидно, обозначал желудок), здание ожило. Послышались возбужденные голоса, смех, топот – будто кто-то убежал, а остальные мчались за ним, нестройное пение мужских голосов, закончившееся хохотом.

– Ой, божечки! Чуть ужин не прозевали! – соскочила со стула Мара. Резво захлопнула учебник, сгребла металлические кругляши в коробку, вырвала последний из пальцев Саши, несколько не смущаясь, что та не закончила речь о важности чистки полости рта и зубов до завтрака – сказывалось влияние родителей-врачей. Александра и не думала, что так много запомнила, хотя папа с мамой дома появлялись от силы раз в году, а потом вновь уезжали то в Африку, то в Южную Америку, то еще в какие-то дальние края. Вот и пригодились ненавязчивые наставления. Конечно, если бы не природное любопытство, заставившее сунуть нос в их институтские учебники, многого за месячный отпуск родителей в голове не отложилось бы, но Александра с детства предпочитала замороженно листать атлас по анатомии, а не прекрасно иллюстрированный сборник сказок. В пору созревания, когда появилась нужда разобраться с собственным телом, а заодно узнать, как там все устроено у мальчишек, она читала медицинские книги по ночам, стесняясь выказывать вспыхнувший интерес к гендерным различиям. Бабушка не осудила бы, но тут же выложила бы деду, а его взгляд поверх очков и кривую улыбку, венчающую слова «созрела девка», Сашка не перенесла бы. Дед – директор завода металлоконструкций, выражения не выбирал. Приходилось краснеть перед подружками, когда они слышали, как Антон Петрович кроет начальника цеха по телефону.

Александра тряхнула головой. Совсем не вовремя она окунулась в воспоминания. Саша запретила себе думать, что произошло с родными после ее исчезновения. Она лишь спустя год отправила им весточку через одного из спасенных ею «рабов». Тот подбросил записку под дверь.

«Жива, здорова, путешествую».

Пусть лучше ругают на все лады свою непутевую Сашку, чем думают, что она погибла.

– Ну, ты идешь? – Мара притоптывала от нетерпения. Она переодеваться не стала, хотя юбка была сильно измята, а на вязаной кофте застряло перо от подушки, в которую хозяйка рыдала, называя себя бестолочью.

Мысли о родителях, навалившиеся как-то враз, отодвинули проблему «что надеть» на второй план. «А не все ли равно?» – махнула рукой Саша и, собрав волосы в тугий узел, облачилась в выданную «мантйку». К черту напутствие Тени карлицы. Алекс Дафой вовсе не нужно, чтобы ее приняли в круг избранных, заметив дорогие наряды, и она против того, чтобы ее имя упоминали вне стен университета. У кого есть уши, тот услышит о внезапно объявившемся бастарде Краста и совсем некстати заинтересуется им. Чем меньше общения, тем меньше разговоров. Кто-кто, а танцовщица Шаша хорошо знает, как прислушивается песчаный король ко всем новостям, идущим из ненавистного Агрида – более богатого и успешного, а потому особенно желанного для завоевания государства.

Оглянувшись на дверь, чтобы запомнить, как та выглядит и найти после ужина, Александра заметила прикрепленный к ее поверхности листок с расписанием занятий студентки Дафой. Сорвала его и, сложив в несколько раз, сунула в боковой карман, обнаружившийся в мантии.

Саша поймала на себе заинтересованные взгляды студентов, выходящих из соседних комнат. Вопреки ожиданиям, Мара не стала представлять новую подругу, шествовала мимо шепчущихся девушек и криво усмехающихся парней с таким видом, будто находилась со всем миром в ссоре. Высоко вздернутый подбородок и непроницаемое выражение лица.

– Тебе не надо с ними знакомиться, – произнесла она, слегка повернув голову. – Вы нигде, кроме этого коридора, не столкнетесь. Ни на занятиях, ни в обеденной зале, ни на пирушках...

– Бывают и такие увеселения? – а она-то радовалась, что рядом нет кабаков. Оказывается, и здесь студенты неплохо проводят время. Не одной учебной живы.

– Бывают. У магов они называются балами.

Саша еще раз оглянулась на свою дверь – точную копию тех, мимо которых они шли.

– Не бойся, не заблудишься, – Мара почувствовала волнение подружки. Взяла ее под руку и потащила, как на буксире, вперед. Перед широкой лестницей, разделяющейся этажом выше на две узкие части, произнесла, указывая пальцем вверх: – Запомни, туда тебе не надо. На третьем и четвертом этаже, судя по всему, живут только те маги, чья оценка далека от двойки. Все немагийники...

– И бастарды-двоечники, – добавила Саша.

– И бастарды-двоечники, – согласилась Мара, – живут на втором этаже. Надеюсь, комнатой ты уже не ошибешься.

– Она пятнадцатая от этой лестницы, я считала.

– Правильно. Если бы смотрела под ноги, то давно заметила бы номер, выбитый прямо перед нашим порогом.

– Почему внизу? – Александра напольную мозаику помнила, а цифры – нет. Не до того ей было. Сначала волновалась, к кому поделят, потом – как встретят сокурсники.

– Наверное, чтобы сильно нос не задирали, – Мара хихикнула.

– Или чтобы после пирушки не маялись, – придумала свою версию Саша. – Пьют ведь? От этого молодняк трудно удержать, – она помнила, как мальчишки в восьмом классе тайком протащили на школьную дискотеку дешевое вино. – А так ползком до нужной двери и без ошибки.

– Ну, да. Наши лечебники всегда выпивку найдут, хоть до ближайшей лавки путь неблизкий. А не получится, так в лазарете спиртовую настойку позаимствуют. Мастера... Лорд Фортсник для остротки принялся в нее полынь горькую добавлять, так все равно умыкают. Эх...

– Что-то я совсем запуталась. Где мы? Вроде этот зал ведет к выходу на площадь? – атланты и кариатиды опять вперили в Сашу неодобрительные взгляды.

– Дай сюда свой родовой перстень, я на нем объясню, – Мара заставила снять массивное украшение. Провела пальцем по ободу, очерчивая пустое пространство в его центре. – Смотри, эта дырка – выложенная белым мрамором площадь. Тут, – она постучала по верхушке с оправой – темному драгоценному камню, утопающему в вязи символов, – главное здание, которое задней стеной вросло в скалу. Его крылья как раз и обнимают площадь. Наша комната где-то здесь, – Мара ткнула ногтем в точку на ободу, которая, как говорят военные, располагалась на «девять часов». – На каждом этаже академии, кроме комнат для студентов, есть свой зал, где зачастую и случаются те самые балы, куда нам, немагийникам, входа нет.

– Как-то обидно за вас, немагийников...

– Даже вздумай ректор объединить нас, чем бы мы могли «блистать» на танцах отпрысков высшего света? Самодельными башмаками? Или купленными в лавке нарядами из ситца?

– Я могла бы тебе одолжить одно из своих платьев.

– Спасибо, но нет. Непривычные мы по балам ходить. Мы тихо, своим кружком.

– Ага. С настоечкой.

– Подруга, мне сейчас не до пирушек. Еще чуть-чуть и «здравствуй, родная деревня». Я лучше с пользой время проведу, например, вызубрю остальные девятьсот девяносто символов, – Мара замялась, прежде чем продолжить: – Не хочу обижать, но, как мне кажется, для тебя тоже на бал вход закрыт. Не зря же поселили на нашем этаже.

– Боюсь, что и мне будет не до балов. Я слишком сильно отстала от учебной программы, а потому придется поднапрячься. Просто не представляю, как я догону своих сокурсников. Скажи, как двоечница двоечнице, а вылететь из академии за неуспеваемость легко?

– Для немагийников раз плюнуть, а вот для магов все зависит от значимости рода и денег. Не пожалеешь бабушка звонких монет, тебя будут тянуть за уши до самого выпуска.

– Как-то я сильно сомневаюсь, что она возьмет на себя большие расходы, – самой себе лгать Саша не хотела. Леди Дафой хоть и оказалась приятной женщиной и щедро поделилась гардеробом, которым пользоваться не могла, но... Саша для нее чужая. Всего лишь попавшая в беду незнакомка, которой просила помочь Сесилия. И так уже ее свекровь истратила на Александру ползерна саара, который, как выяснилось, баснословно дорогой. Ей теперь вовек не рассчитаться...

– Ладно, не будем о безрадостном. Нас ждет ужин, – Мара, чувствуя Сашино настроение, подтолкнула ее плечом.

Не помогло. Александра, увидев разодетых студентов, впала в ступор, остановившись на самой середине лестницы.

– Что застыли, коровы? – хотя места для прохода было предостаточно, Сашу ощутимо толкнули в спину. Она удержалась на ногах лишь благодаря соседке, которая вовремя вцепилась в нее. Обидчик даже не оглянулся.

– Вот они, благородные! – прошипела Мара. – А была бы ты без мантии, этот гад еще подумал бы, стоит наскокивать или нет.

Даже по внешнему виду можно было различить, кто из спешащих на ужин являлся магом, а кого природа даром обделила. Первые сворачивали за левые колонны, вторые торопились к дверям направо.

– А можно, я пойду с тобой? – Саша сжала ладонь подруги. – Кто станет проверять, есть во мне магия или нет? Посмотри, сколько студентов, одетых точно так же, как я. Даже там, – она показала пальцем на дверь для «господ», куда как раз входил человек в мантии.

– Ох, подруга. Это преподаватель. Цвет его мантии черный.

– Я же просила тебя не надевать эту хламиду! – рядом выросла Тень тетушки Зары. Она больно ущипнула Александру и сурово сдвинула брови. Мара с удивлением посмотрела на вскрикнувшую подругу, но и только: она действительно не видела и не слышала карлицу.

– На мне простое платье... Я даже не переоделась, – зашептала Саша. Тень недовольно фыркнула, а Мара приняла лепет за очередное проявление волнения и удрученно покачала головой.

– Все равно снимай! – произнесла тетушка ректора и поспешила вниз, где, словно глыба полупрозрачного льда, разделяла толпу на два рукава Тень лорда Вардбрука-старшего. Немагийники, хоть и не видели старика, боязливо оглядывались и старались держаться ближе к «своим» колоннам.

Стоило приблизиться к месту «водораздела», старик грозно мотнул головой, без слов приказывая леди Алекс Дафой двигаться в нужную сторону. Вот тот страж, что не допустит своеволия студентов. «Во всем должен быть порядок», – читалось в его выцветших глазах.

– Давай, ступай. Потом расскажешь, как тебя встретили, – Мара чуть ли не насильно вырвала свою руку из Сашиных тисков.

Подходя к двери, за которой слышался стук посуды и доносились запахи хорошей еды, Саша торопливо развязала ленту, обхватывающую шею, и стянула с себя «мантийку». Перекинула ее через локоть и, выдохнув, вступила в ярко освещенный зал. Немного приободрилась, когда поняла, что маги были всецело заняты разговорами и лишь отчасти многоярусным «шведским столом», стоявшим ровно посередине помещения.

Саша поискала глазами подносы, но таковых не оказалось. Еда раскладывалась по тарелкам и уносилась на круглые столы, где студенты усаживались привычными компаниями. За ближайшими сидели преподаватели – их выдавали черные мантии.

Выбор блюд оказался самым простым делом: Саша быстро заполнила тарелки. Она не стеснялась и не кокетничала. В пору, когда Шаша танцевала перед хаюрдагами, она никогда не жаловалась на плохой аппетит. Все лишние калории сжигал адреналин. Он и сейчас бушевал в ней, заставляя то краснеть, то бледнеть: найти свободный стол – вот задача, которая заставила Сашу, будто гусыню, вытягивать шею и нерешительно топтаться на месте.

«Черт!» – запаниковала Александра. Видели бы ее сейчас друзья из Хаюрбата – Пашка, Сашок или Кирилл. Они сильно удивились бы, а король песков не преминул бы применить силу, выбивая из головы рабыни непонятно откуда взявшуюся робость.

Уже решившись идти напропалую, даже сделав пару шагов к ближайшему столу, Саша опять засомневалась. Дело в том, что студенты довольно сильно разнились по возрасту: тут были и подростки лет тринадцати-четырнадцати, и мужи, чьи лица давно познали бритву.

«Выпускники? – Саша проводила глазами флиртующую парочку, усаживающуюся за тот самый стол, который заприметила она. – Нет, лучше к детям».

– Разрешите, я вам помогу?

Алекс Дафой даже не успела ответить, как тарелки из ее рук были перехвачены. Ей ничего не оставалось делать, как идти следом за мужчиной. Все, что она могла рассмотреть в похитителе тарелок – это его крепкая спина, расправленные плечи и коротко стриженный затылок. Не в пример тем студентам, что ходили с ухоженными и заплетенными на эльфийский манер косами или подвязанными шелковыми лентами хвостами.

Мода Агрида была чрезвычайно разнообразна: сказывались свободные перемещения в иные миры, а потому на просторах королевства можно было встретить наряд, сшитый по «средневековым» лекалам, и премиленькое платье, словно сошедшее с земных журналов начала двадцатого века – матросский воротник и серебряные или медные, нарочито небрежно пробитые, пуговицы-монеты. Один раз на пути в столицу Александре даже встретился крестьянин в джинсах. Тогда тоска по родной Земле заставила ее всплакнуть. Саше хотелось остановить повозку и расспросить мужчину, но она побоялась, что милостиво согласившаяся подвезти ее семья проявит недовольство.

Но стриженные люди встречались довольно редко. Даже простолюдины отпускали вихры до плеч.

Между тем незнакомец поставил Сашины тарелки на стол, соседствующий с преподавательским. Отодвинул стул, дождался, когда красная как помидор леди Дафой усядется, потом сам сел рядом, и продолжил прерванный ужин.

«Он поднялся из-за меня? А я даже не поблагодарила. Сказать сейчас или промолчать? А, может, надо было для начала представиться? Черт! И почему я не спросила у леди Дафой, принято ли первой называть свое имя!»

– Спасибо, вы очень любезны... – голос подвел. Дрогнул.

Сосед лишь кивнул.

Саша скосила глаза, но лица его так и не разглядела. А поворачивать голову и пялиться на жующего человека было неловко. Да и кому понравилось бы?

Его длинные пальцы ловко орудовали ножом. Незнакомец ел неторопливо, аккуратно нарезаая мясо, и не проявлял абсолютно никакого интереса к спасенной им студентке.

Саша выдохнула и взяла вилку. Та предательски громыхнула о тарелку – руки почему-то дрожали.

«Спокойно, Шаша, спокойно! Считай!» – привычка со времен беспокойной юности не подвела. Дыхание выровнялось на счет десять.

За столом сидела как минимум дюжина студентов. Кто-то тихо переговаривался, кто-то был увлечен едой, один из юношей, непрестанно вытирая руку платком, листал толстую тетрадь с непонятными чертежами. Шевелил губами, то ли жуя, то ли повторяя прочитанное. И никто, совершенно никто не смотрел на Сашу.

«Какая же я трусиха! Совсем одичала в своих песках. Правильно решил ректор – на втором этаже мне самое место. Поближе к народу, потому что сама далеко не ушла от сохи».

Нож ладно лег в правую руку. Вилка уткнулась в хорошо прожаренный бекон, но... подвел живот. Он, наконец, потребовал свое, заурчал.

– Черт, черт, черт...

Сосед повернул голову. Вздернутая бровь, смешинки в темных глазах.

Аккуратно вытерев губы салфеткой, он покинул стол.

«Боже, где Маркина подушка? – от стыда впору было хлопаться лбом об столешницу. Александра тоскливо посмотрела на свою полную тарелку. – Утопиться в салате разве что? Да что за день такой?!»

Желудок или, как теперь правильно назвала бы его Мара – агидамус, повторил позорное урчание. Ничего не оставалось, как бесславно покинуть «поле боя». Саша буквально бежала к выходу.

«Трепетная лань?! Леди?! Ага! Дикарка, которую можно пускать только в неприличное общество!»

Гораздо позже, когда с ужина вернулась Мара, Александра, наконец, оторвала заплаканное лицо от подушки. Она никак не могла избавиться от навязчивого видения: незнакомец смотрел на нее, вопросительно изогнув бровь. Предатель-агидамус больше не подавал никаких знаков. «Опозорил и заткнулся».

– Смотри! Кто-то оставил на нашем пороге корзинку с едой! Божечки! Как вкусно пахнет! О, тут и кувшин с чем-то тепленьким! Все, Алекс, жируем!

Глава 13. Не пара

Зареванная, нечесаная, несчастная Саша сидела на кровати и обнимала подушку. И никак не могла понять, откуда эти стыд и слезы. Убежала? Зачем? Повела себя как ребенок. Ведь по сути, ей было безразлично, что подумают сидящие за столом снобы, но вот поди ж ты...

– Ы-ы-ы-ы! – вырвалось из груди, стоило вспомнить темные глаза мужчины. Вот на него как раз не было наплевать. Но почему? Чем он отличался от остальных? Тем, что пришел на помощь провинциальной дурочке, не знающей, куда приткнуться? Привел к столу и забыл, а она, вот, мается. Ну, ушел, услышав урчание, и что? Можно подумать, с ним никогда такого не случилось... Но почему поступок незнакомца причинил так много боли?

Ответов Александра не находила, а тоска наваливалась все с новой и новой силой. Как же хотелось вернуться к исходной точке и все исправить!

«Эх, почему я не из рода Переводящих часовые стрелки?»

– Мар, а Отматывающие время существуют? – Александра хлюпнула носом. Ведь сунул ей Тиш в дорогу печенье, сунул! Целую коробку! Всего-то и нужно было съесть кусочек и запить водой, и тогда никакого казуса не случилось бы.

И опять Саша видела укоризненный взгляд и вздернутую бровь.

– Черт, черт, черт!

Ну почему ей так важно, чтобы темная бровь не взлетала? Почему хочется переписать сценарий случайной встречи? Он – такой мужественный, с орлиным взором и пламенем в сердце, готовый прийти на помощь по первому зову. Она – такая нежная и трепетная, совсем как лань, донельзя утонченная в своем сером платье, которое красиво оттеняет цвет глаз. Кокетливо оттопырив мизинец, она накладывает совсем чуть-чуть на тарелки... на тарелку...

– Блин! Еще набрала столько с голодухи! Корова!

Саша мысленно одернула себя: слово то какое применила! Голодухи! Разве же леди так говорят?

– Да что с тобой сегодня? – Мара даже не повернула голову. Она что-то напевала себе под нос. Неизбалованная вниманием, крестьянка Мара Качира рассматривала корзинку так, как рассматривают дети найденные под елкой подарки. Ее поза выдавала полную гамму эмоций: предвкушение чуда, сладостное трепетание сердца, восхищение.

– Я опозорилась, – сокрушенно произнесла Саша, ожидая ахов и охов. Но не тех, что вскоре последовали.

Соседка лишь на мгновение отвлеклась, перестав пританцовывать. Но, как оказалось, вовсе не потому, что Алекс Дафой нуждалась в утешении: подруга споро выкладывала содержимое корзинки, а тут замерла, приподняв крышку одного из глиняных горшочков.

– Ах, какой аромат! Грибы в сметане! А здесь что-то похожее на тертый суп с сыром! Ох, еще горячий!

Александра прижала подушку к животу.

После горшочков на столе появились деревянная коробочка, где обнаружился набор из ложек, вилок и ножей, кувшин, бережно укутанный в салфетку, небольшой бумажный пакет – по острому запаху, идущему от него, угадывалось, что там мясо, обильно сдобренное специями...

– Хлеб! Свежий! Хрустящий! – радостно взвизгнула подруга. Мара так восторгалась каждым извлеченным предметом, точно это она, а не Алекс, испытывала лютый голод. – И откуда такое богатство?! Признавайся, у тебя завелся поклонник?

– Нет у меня никакого поклонника! – Саша отшвырнула подушку к изголовью кровати и поднялась. Впервые с момента давнего похищения королем песков ей хотелось, чтобы ее пожалели. Погладили по голове, позволили поплакаться в плечо. А Мара только и делала, что

жевала хлеб и закатывала от наслаждения глаза. – Я говорю, что опозорилась, – прокричала Александра в самое ухо подруге, – а ты меня не слушаешь! Я стояла, как дура, в центре залы с двумя полными тарелками и не знала, куда приткнуться! А когда нашлась добрая душа и даже стул пододвинула, чтобы я не корячилась, желудок вздумал урчать. Ты бы слышала, какие он выводил рулады! На весь стол! Знаешь, как на меня посмотрели?

– Да ну? Прямо все? – подруга старательно делала серьезное лицо. Невидаль какая – желудок урчал!

– Достаточно было одного взгляда. Но какого! Бровь вверх, а в глазах насмешка! Мне хотелось на месте провалиться! Мара, милая, что делать? – Саша не стала ждать, когда ей предложат плечо, сама уткнулась в него лицом. Обняла подругу и застыла.

– Не дыши мне в шею. Я и так вся взопрела, – соседка насильно расцепила тесные объятия. – Лучше поешь. Смотри, сколько тебе прислали, – она усадила Александру за стол. Первые две ложки сама сунула ей в рот. – Все? Успокоилась? На, держи. Погуще загребай. Про хлеб не забудь. Во-о-от. А теперь рассказывай. Кто смотрел? Чего хотел?

– Ничего не хотел. Как только услышал музыку в животе, встал и ушел.

– Подлец какой. А надо было остаться и дослушать?

– Ну, унижительно же! Я же не виновата, что давно не ела.

– А сейчас поела? Вот и хватит терзаться. Если он умный человек, то и без объяснений все поймет, а если дурак, то зачем о нем вспоминать? Мало ли какие сюрпризы выдает организм? Помнится, экзамен шел по истории Агрида, к которому я всю ночь готовилась, а села отвечать – икота возьми и напади. Меня спрашивают, а я в ответ ик-ик. Трижды пересдавала и всякий раз икала. Лорд Пихник даже разозлился, что я специально, но потом согласился на письменные ответы.

– И как?

– Четыре балла из пяти. До сих пор думаю, что икоту на меня специально наслали.

– Кто, если у вас одни немагийники?

– А амулеты? Подсунь мне кто заговоренную монету, я бы никогда не догадалась, что ношу с собой проклятие.

– А у тебя их полные карманы? Неужели не заметила? – чужая история отвлекла от собственного горя. Странного такого горя. Саша никогда не была истеричкой, а тут остановиться не может.

– Мелочь всегда в значке найдется. Староста присылает, чтобы подкормить. В деревне собственный лекарь как воздух нужен. Я, кажется, уже говорила... Поэтому вылететь из академии мне никак нельзя.

– Мы постараемся, – Саша вытерла с верхней губы след от молока. Вкусного, теплого, действующего не хуже любого успокоительного. Как-то сразу потянуло в сон.

– Ты ложись. Я сама на столе приберу, – Мара заметила осоловелые глаза.

– Так кто же корзинку прислал, как думаешь? – глаза у Саши уже не открывались. Она кое-как вытащила шпильки из волос. Надо бы еще зубы почистить, но сил не осталось. Повалилась на подушку, так и не услышав ответ подруги.

– Кто-кто. Понятно кто. У кого брови вверх полезли, тот и принес. Могла бы и догадаться. И нечего было бегать. Сидела бы на месте, глядишь, и познакомилась бы с заботливым мужиком, – Мара расстегнула сапожки, стянула их с ног Алекс, поправила сбившееся платье и накрыла своим одеялом. Не выдергивать же другое из-под спящей?

Потом собрала со стола пустую посуду, отметив, что горе-горем, а есть подруга здорова, и, прихватив корзину, выскользнула за дверь.

– Что нового, сын? Познакомился со своей подопечной?

На столицу опустилась ночь. Весенняя, чистая, когда даже в городе пахнет цветами. Над рекой Сытой стелился туман. Он, словно плотная пелена, не давал расползтись неприятным запахам.

«Поэтому в воздухе и чувствуется аромат распустившейся вишни. Или мне кажется? – Гаррон нахмурился. Никогда не обращал внимания, как цветут деревья, а тут... Чтобы уйти от подозрительного признака умопомешательства, перевел мысли в правильное русло. – И откуда повелось, что воду из лабораторных бочек нужно сливать в реку? Сами на свою голову плодим сытых колдунов. Не плавали бы в воде ошметки магии, не появлялись бы отравленные ею. Надо бы поинтересоваться в Магическом совете, не придумали ли чего нового, способного нейтрализовать остатки магии. Опять-таки, после лорда Баргира Сина нового Магистра не назначили. Да и кто захочет нести груз чужих стронов и добровольно отказаться от женщины? Женщины...»

Гаррон опять нахмурился, отгоняя видение.

В соседнем особняке надрывно лаял сторожевой пес. Его хриплый бас разносился по всей улице. Гаррона и это нервировало. «Наверно, издержки профессии. Нельзя слишком долго пребывать в одном теле, невольно перенимаешь его привычки. А у собак все на уровне инстинктов, Валаах бы их побрал», – он подошел к окну и плотно его закрыл.

– Подопечная сбежала. Пока я ходил за водой, оставила еду нетронутой и скрылась в своей комнате. Не знаю, что и подумать, – по старой привычке Цессир-младший поднес к губам сомкнутые в замок ладони.

– Осталась голодной? – отец умел вести разговоры, не отвлекаясь от государственных дел. Шелестела бумага, из тканевых мешочков вытаскивались пирамидки с записями свидетельств, нервная рука делала пометки на полях писем, которые распечатывались, затребовав каплю крови адресанта.

– Нет, я послал корзину с едой. Пришлось добавить в молоко успокоительный порошок, – Гаррон немного помолчал, постучал скрещенными пальцами по губам. – Отец, она злилась на себя. Я это ясно ощутил.

– Думаешь, строн?

– Не думаю, знаю.

– Но как? Разве его не защищает Упырь? Ты не должен ничего чувствовать. Ни ее настроения, ни влечения...

Сын усмехнулся, и Гердих отодвинул бумаги. Разговор стал слишком серьезным, чтобы отвлекаться на постороннее.

– Видимо, не все Упыри одинаковы. Этот оказался совсем слабым.

– Сытые колдуны, что с них возьмешь? – Цессир-старший скривился. Иногда его ведомству приходилось пользоваться плодами отребья, которое приобрело способности, просто живя на берегу реки и пользуясь ее водами, куда настоящие маги сливали содержимое бочек из своих лабораторий. Сколько родовитых семей в столице? Не меньше сотни. И при каждом особняке своя лаборатория, где делаются амулеты, и порой весьма сложные, требующие непомерных затрат. В нижнем городе не только вода отравлена остатками отработанной магии, но и воздух. Поэтому все здесь кажется серым, безрадостным. Лишь огни стоящего на холме королевского дворца, сияющего днем и ночью, создают настроение праздничности. На него, как мотыльки на огонь, слетаются люди, ищущие иной доли. А через год и они станут такими же серыми и унылыми. Век сытых колдунов недолог. Дети, рождающиеся с уродствами или вовсе мертвыми, плохая еда, болезни, власть, загоняющая стихийно приобретших магию в катакомбы – что из этого делает жизнь радостной? Вот и мастерят колдуны амулеты с такими страшными названиями, как Упырь, Серая смерть, Кровавый поцелуй. – Самоучки. Надо иметь в виду, что с их амулетами возможен подвох.

– Но я и не выбирал. Взял в хранилище первый попавшийся, лишь бы Упырь надежно спрятал строн от посторонних глаз.

Выдуманный именно для того, чтобы скрывать снятые с трупов магов строны, защитный Упырь пользовался среди колдунов большим спросом. Одно дело развивать в себе зачатки магии, дарованные Сытой рекой, совсем другое, занять родовой амулет с пластами накопленной поколениями магией, которая потечет в тебя ручейком. Пусть даже на строне отпечатался след насильственной смерти. Остается только понять, хозяином какого дара ты стал, и научиться им пользоваться.

Встретить колдуна, носящего на груди добытый преступным путем амулет все равно, что встретить безумца: неизвестно какой тебя ждет подвох. Магия на крови искажается, становясь порой неуправляемой, смертельно опасной.

– Спрятал...

– Если бы я обернулся волком, никто не снял бы его с моей шеи. А теперь я чувствую Шашу.

– Ягудова бездна! – лорд Цессир сгреб пирамидки и скинул их в верхний ящик стола. Завтра разберется, какая к какому допросу относится. – Теперь я подозреваю, что твое «она мне нравится» тоже действие строна.

– Я хочу ее. Я сегодня еле удержался, чтобы не прикоснуться к ней. Старался даже не смотреть. Обрадовался, когда понял, что ей нужна вода. А она этого даже не замечала. Губы... – зачем он вспомнил ее губы? Саша не осознавала, но все время облизывала их. Когда она пила в последний раз? Еще дома? – ...потрескались. Кинулся за водой, думал, хоть какая-то передышка.

– Гаррон...

– Я все понимаю отец. Но как заткнуть строн? Ты сам когда-то чувствовал его влияние, поэтому должен понять.

– Ты прав. Со строном трудно бороться. И ведь не любил твою мать, а удержаться не мог. Отпустило, только когда она забеременела.

– Валаахова магия.

– Это называется продлением рода, сын.

Родовой амулет – гордость и проклятие любого его носителя. Для сотен веков договорных браков, когда маги через детей объединяли семьи, чтобы их потомки стали еще могущественнее и богаче, магия строна помогала им хотя бы на время забыть, почувствовать если не любовь, то влечение. Безудержное, заставляющее отдаваться друг другу без остатка.

Что было потом, когда магия страсти сходила на нет? Женщина занималась воспитанием наследника, которому передавала строн сразу после рождения, а отец с головой уходил в государственные дела и заботился о процветании рода. Он свою основную миссию выполнил. А между тем, наследник вырос, и воспитание матери уже оказывалось недостаточным. Тогда он просто переезжал к отцу, а потом – лет в тринадцать четырнадцать, становился студентом. Все зависело от того, каким даром обладал отпрыск и могли ли с ним справиться родители. Некоторые дети, а строн носил только старший сын, задерживались в семье дольше – самым крайним сроком поступления в университет было восемнадцатилетие.

Гаррону страшно было представить, что те чувства, что он сейчас испытывает к Саше, вдруг исчезнут, оставив в душе лишь холодное безразличие к ней. Это в лучшем случае. Обычно супруги расставались навсегда, если после прекращения магии строна между ними так и не возникала душевная близость. Так было и с родителями Гаррона. Он до недавнего времени был у отца единственным сыном. Сам Гердих не знал, что стал отцом во второй раз – некая землянка Ираида родила ему дочь Юлию, которая теперь тоже живет в Агриде. Сначала Гаррон насторожился, но потом понял, как здорово иметь младшую сестру. Он любил свою Джулию самозабвенно и готов был оторвать голову ее мужу, лорду Ханнору, если тот вдруг

вздумал бы ее обидеть. «Пойди и убейся», – эти слова Цессир-младший никогда ему не простит. Благо, что Изегер изменился.

– Зад вахруницы, как бы я хотел, чтобы мои чувства не оказались ложью.

– Почему?

– Любить женщину – это, оказывается, так здорово.

– Мне не посчастливилось.

– А Ираида?

– Страсть, влечение, своего рода приключение.

– Отец, но почему строн настиг нас только сейчас? Я был рядом с Шашей столько дней и кроме благодарности ничего не испытывал.

– Вспомни, что произошло, когда ты впервые увидел ее глазами мужчины, а не пса?

– Я ослеп. Буквально. Это было как вспышка яркого света, после которого наступает темнота.

– Сильно. У меня снесло мозг, только когда я впервые поцеловал невесту.

– Нет, мы еще не целовались, – вспомнив, как псом лизал Шаше лицо, Гаррон рассмехался. «Пресветлый Шаагиль! Какие глупости лезут в голову!». – Хотя уже спали в одной постели.

– Не советую повторять в твоём нынешнем состоянии, – отец поднялся и потянулся, расправляя затекшие плечи. – Я поговорю с королем. Не буду называть имен, но попробую получить разрешение на развод. Как только строн вернется, тебя сразу отпустит.

– Я не хочу, – сын поднял глаза на Гердиха. Увидев улыбку отца, пояснил: – Прежде всего в интересах дела. Я боец, я выдержу. Не забывай, Шаша – носитель неизвестного дара, поэтому давай оставим все как есть.

Лорд Цессир качнул головой. И не было понятно, то ли он согласился, то ли кивнул собственным мыслям. Гаррон наследник рода, и отец не допустит, чтобы танцовщица из Хаюрбата со стронем или без вскружила ему голову. Кем бы ни была полукровка, она сыну не пара.

Глава 14. Чароветение

– Я проспала!

За окном вовсю светило солнце, в здании было так тихо, что оно казалось вымершим. Постель Мары была не заправлена, будто и она собиралась второпях.

– И ведь не разбудила! – Саша никак не могла попасть в рукав платья: она выхватила первое попавшееся, главное, что было темным, без каких-либо вышивок и оборок. Вчерашнее, после проведенной в нем ночи, никуда не годилось. Только натянув «обновку», Александра обратила внимание на немаленький вырез. – Мы сейчас его закроем, – она чуть ли не вся залезла в шкаф, но, как ни ковырялась в вещах, ничего подходящего не нашла. Ну не в плаще же, подбитом мехом, идти! – Мантия! Где хотя бы мантия? Вчера я должна была вернуться с ней! – вспомнились перекинутая через локоть ткань и последующие рыдания на кровати.

На пол полетело одеяло, под ним обнаружилось второе.

– Но как же? Разве Мара не укрывалась? Нет-нет, сейчас некогда думать об этом! Где же моя синяя хламида?

Потратив еще несколько минут на поиски, Саша перестала суетиться и стукнула себя ладонью по лбу.

– Я не принесла ее с собой с ужина... Я ее потеряла... Блин! Что делать? Ежель меня убьет!

Ничего не оставалось, как заглянуть в отделение Мары.

«Хоть косыночку какую-нибудь!»

Но на полках лежало на удивление мало вещей. И все сильно поношенные, разновеликие, как будто с чужого плеча. Создавалось впечатление, что гардероб собирали с миру по нитке: кто чем пожертвовал, то подруга и носила. Если бы Саша не торопилась, она бы, наверное, поплакала. Ей было до щемящего сердца жаль Мару, которая даже при таком бедственном положении не теряла присутствия духа. Александра вспомнила простоватое лицо, улыбку, делающую глаза щелочками, отсутствие комплексов по поводу полноватой фигуры, даже чрезмерную болтливость и бесконечное желание поучать – все это почему-то нравилось, заставляло сопереживать и думать о Маре, как о родной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.